

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ

Сцена 1

Апартаменты Людвига в замке Нимфенбург. Интерьер. Утро. Людвиг стоит на коленях перед священником. Он исповедуется. Звук его голоса почти не слышно, но постепенно он усиливается, возникает, как внезапно проступающее изображение. В окно пробиваются первые предрассветные лучи. В комнате еще горят свечи.

Голос Людвига. Да, святой отец, я слушаю вас.

Голос отца Хоффмана (*приглушенно*). Смири гордыню, сын мой, страшись выпавшей тебе чести, потому что отныне путь к спасению станет для тебя еще труднее.

Голос Людвига (*шепотом*). Да, святой отец.

Отец Хоффман. Учись довольствоваться малым. Это самый ценный совет, который я могу тебе дать. Окружи себя мудрыми и знающими людьми, потому что по-настоящему велик тот, кто малыми средствами добивается великих целей.

Людвиг. Да, святой отец. Да. Я... с таким страхом ждал этого дня, вы знаете... Но в последнее время я чувствую себя гораздо спокойнее. Я понял, как смогу распорядиться своей будущей властью. (*Восторженно*.) Это так просто! И так прекрасно! Я соберу вокруг себя настоящих ученых, людей великого ума и таланта, знаменитых художников, артистов и буду смиренно просить их помощи. Именно они, а не я, прославят мое правление. Так поступали все великие монархи прошлого. Да и сам я стану лучше...

Отец Хоффман снисходительно улыбается пылким словам молодого государя.

Отец Хоффман. С Божьей помощью, в страхе Божьем, в служении Господу... Покаяние.

Людвиг (*торопливо шепчет*). Каюсь, от всего сердца...

Сцена 2

Мюнхен. Просторный зал резиденции. Интерьер. День. Приглушенный шум голосов перекрывается властным голосом отца Хоффмана: *Ego te absolvo in nomine Patris et Filii et Spiritui Sancti...*¹ Утро. Суетится прислуга, парикмахеры, лакеи. Сменяются на карауле офицеры охраны. Посреди зала в окружении беспокойной, непрерывно движущейся толпы придворных, каждый из которых, однако, исполняет свою особую роль, предписанную ему этикетом, неподвижно стоит юный принц Людвиг. Он в мундире офицера артиллерии, причесан, завит. Молодой человек бледен, слегка взволнован. С улицы доносятся звуки военного марша. Ему набрасывают на плечи длинную королевскую мантию, подбитую горностаем. Юный офицер Дуркхейм, адъютант принца, приблизительно одного с ним возраста, замечает нервозность будущего монарха. А может быть, предвидел ее заранее. Подозвав лакея, он шепчет ему что-то на ухо. Спустя несколько минут лакей появляется с подносом, на котором стоит бутылка шампанского в ведерке со льдом и бокал. Нарушая церемониал, Дуркхейм наполняет бокал и с улыбкой протягивает его Людвигу. Людвиг выпивает шампанское залпом. Высшие сановники, которые, казалось, сначала восприняли этот поступок с неудовольствием, теперь снисходительно улыбаются. Людвиг тоже улыбается, возвращая пустой бокал Дуркхейму. Открываются двери, в зал вступает королева-мать, тоже в парадном облачении. Королева Мария приближается к Людвигу и склоняется перед ним в глубоком реверансе. Людвиг протягивает ей руку, помогая подняться, и одновременно целует в лоб. За королевой-матерью следует принц Отто, брат Людвига. Он щелкает каблуками и склоняет голову, приветствуя будущего монарха Баварии. К Людвигу подходят другие принцы: Луитпольд, Карл. Затем следуют министры, высшие сановники королевства. Архиепископ со своей свитой. Секретарь кабинета Пфистермайстер и остальные. Секретарь кабинета приближается к Людвигу и с поклоном протягивает ему свиток. Это речь, которую Людвиг должен произнести во время коронации.

Людвиг берет свиток, разворачивает его и рассеянным взглядом пробегает текст. Улыбаясь, Людвиг показывает жестом, что хочет еще шампанского, которое вновь выпивает залпом. Королева-мать наблюдает за ним с явным беспокойством. Ее окружают придворные дамы и несколько священников-иезуитов.

Входят офицеры королевской гвардии и выстраиваются в две шеренги, образуя живой коридор для выхода Людвига. Из большого

¹ Отпускаю тебе грехи во имя Отца, Сына и Святого Духа (*лат.*).

зала церемоний доносится звук трубы. Кorteж готов, все присутствующие застывают в поклоне, и Людвиг медленно идет к выходу. Придворные следуют за ним. Появление молодого государя сопровождается несмолкаемое громкое «ура!». Вновь звучит труба. И вот наконец в наступившей тишине раздается звонкий голос Людвиг, который обращается к своим подданным со словами приветствия.

Голос Людвиг продолжает звучать под высокими сводами резиденции.

Сцена 3

Спальня Людвиг в Нойшванштейне. Интерьер. Ночь. 10 июля 1886 г. Звучат последние слова из тронной речи (1864 г.) молодого короля. Постепенно голос Людвиг слабеет и пропадает совсем, в то время как... неожиданно распахивается дверь, и какой-то юноша (Остерхольцер) с перекошенным от волнения лицом, бледный, мокрый от дождя, испуганно крича, вбегает в комнату.

Остерхольцер. Они хотят арестовать короля.

Людвиг, который стоит посреди комнаты (камердинер Вебер помогает ему одеваться), порывисто оборачивается. И хотя в комнате полумрак, горят лишь несколько свечей и крошечная лампадка рядом с гигантской кроватью в неоготическом стиле, мы все-таки успеваем рассмотреть, как сильно он изменился: постаревшее, одутловатое лицо, запущенные борода и усы.

Остерхольцер делает несколько шагов вперед и бросается перед королем на колени. Он запыхался, говорит заикаясь.

Остерхольцер. Они прибыли из Мюнхена... Заговор... Я убежал. Они не заметили.

Людвиг. Кто они?

Остерхольцер. Они приехали в трех каретах. Завтра, а может быть, уже сегодня вечером, они будут здесь. Ваше величество больше не будет править. Так сказал граф фон Гольштейн.

Людвиг (*утишим голосом*). Фон Гольштейн в Готтеншвангау?

[Сцена 4

Людвиг ходит взад и вперед по галерее. За ним следует министр Пфистермайстер с большой папкой под мышкой. Всякий раз, как они проходят мимо открытой двери, часовые вытягиваются по стойке «смирно». Пфистермайстер делает вид, что не придает большого значения такому способу совещания с министром, который избрал

молодой король. Слегка задыхаясь, он старается не отставать от Людвига, на ходу излагая ему свою точку зрения.

Пфистермайстер. Наш министр иностранных дел настоятельно рекомендует поездку в Бад-Ишль. В настоящее время в Бад-Ишле кроме императора Австрии и императрицы Елизаветы находятся также наследный принц Пруссии и...

Людвиг неожиданно оборачивается к министру.

Людвиг. Простите, что я перебиваю вас, ваше превосходительство. Но я хочу знать, получили ли вы ответ на вопрос, который я задал вам вчера. Вагнер в Мюнхене?

Пфистермайстер, кажется, недоволен тем, что его прервали.

Пфистермайстер. Нет еще, Ваше величество.

Людвиг. Могу я просить вас об одной любезности?

Пфистермайстер кланяется.

Пфистермайстер. Вашему величеству надлежит приказывать.

Людвиг. Я хочу встретиться с Вагнером как можно скорее. И хочу, чтобы вы лично исполнили это поручение...

Тень недовольства омрачает лицо министра.

Людвиг. Это мое самое страстное желание. И в наших общих интересах. *(С нарастающим возбуждением.)* Я завидую вам, ведь вы встретитесь с Рихардом Вагнером раньше меня. Уверен, господин министр, что вы сумеете должным образом описать Маэстро то волнение, с которым мы все ожидаем ответа на вопрос, когда он почтит нас своим визитом. Для нас будет большой честью, если величайший музыкант и поэт...

Людвиг неожиданно умолкает, смущенный собственной горячностью.

Пфистермайстер. Да, Ваше величество... А что вы решили по поводу визита в Бад-Ишль?

Людвиг. Мы еще вернемся к этому разговору. А пока займитесь Вагнером. Это гораздо более важное и срочное дело.]

[Сцена 5

Дом в деревне. Натура. День. Секретарь министра беседует со сторожем, а Пфистермайстер, высунувшись из окна кареты, прислушивается к их разговору.

Сторож. Маэстро уехал из Вены две недели тому назад.

Секретарь. И не оставил адреса?

Сторож *(с усмешкой)*. Нет. Никакого адреса.

Секретарь собирается сесть в карету, сторож трогает его за рукав.

Сторож. Если господа приезжали за пианино, то имейте в виду, у меня приказ не разрешать ничего вывозить из дома, пока не будет оплачена аренда...

Последние слова сторож произносит в одиночестве. Карета отъехала и уже далеко.]

[Сцена 6

Полицейский участок в Штутгарте. Интерьер. День. Пфистермайстер и секретарь беседуют с начальником полицейского участка.

Пфистермайстер. После Вены мы гонялись за ним по всей Швейцарии. Его величество продолжает забрасывать меня телеграммами. Больше месяца я в постоянных разъездах. Уже не говоря обо всем остальном, я все-таки первый министр, а не частный детектив...]

[Сцена 7

Холл маленькой гостиницы в Штутгарте. Интерьер. День. Слуга с собакой на поводке медленно спускается по лестнице. Сходит в холл. Настороженно осматривается.

Швейцар. Приезжал какой-то господин, искал маэстро... Поручил мне передать ему вот это...

С этими словами швейцар протягивает визитную карточку, на которой написано «Секретарь Короля Баварии», и маленький сверток.

Слуга. Он что-нибудь сказал?

Швейцар. Только спросил, живет ли маэстро в гостинице.

Слуга разворачивает сверток. В нем фотография Людвига и перстень с большим бриллиантом. Потрясенный швейцар не может отвести от него глаз.]

Сцена 8

Манеж. Интерьер. Ночь. В маленьком и пустом манеже амазонка отрабатывает элементы высшей школы верховой езды. Заставив лошадь опуститься на колени и снова подняв ее, наездница (императрица Елизавета) дважды объезжает круг малым галопом. Неожиданно оборачивается, как будто что-то услышала или заметила, но тут же снова возвращается к своим занятиям. Внимание Елизаветы привлек Людвиг, который, сделав несколько нерешительных шагов вперед, пытается спрятаться за одним из расписных столбов, поддерживающих купол.

Елизавета (*громко, не оборачиваясь*). Мы давно не виделись, кузен. Ты очень изменился.

Людвиг смущенно выходит из-за столба и приближается к манежу. Елизавета, круто развернув лошадь, направляет ее прямо на Людвига, но в последний момент резко осаживает и ставит на колени.

Елизавета. Кузен...

Все еще смущенный, как человек, застигнутый врасплох, он кланяется.

Людвиг. Кузина...

Елизавета поднимает лошадь и пускает ее гарцующим шагом, как в начале сцены. Обращаясь к Людвигу, она не смотрит на него, и ему приходится отвечать ей прямо на ходу, чуть ли не бежать, принаравливаясь к шагу лошади.

Елизавета. Сколько времени мы уже не виделись?

Людвиг. Больше пяти лет. Пять лет и шесть месяцев.

Елизавета. Какая память!

Людвиг в последний момент успевает отскочить от едва не наехавшей на него лошади. Неожиданно Елизавета вновь пускает лошадь галопом и объехав круг, останавливается рядом с ним.

Елизавета. Жаль, что я не смогла присутствовать на твоей коронации. Я была... Где же я была?

Людвиг. Твой посол сообщил, что ты была нездорова.

Елизавета. Это неправда. Я собиралась приехать. А потом вспомнила обо всех этих родственниках и... передумала.

Людвиг (*оживляясь*). Я тоже передумал сегодня вечером. Собирался идти на ужин, но мне сказали, что ты здесь...

Елизавета. А кто тебе сказал?

Людвиг. Я посылал своего адъютанта узнать, кто там будет. Оказывается, ты предупредила, что будешь ужинать у себя, так как неважно себя чувствуешь. Но в действительности... И вот... мне было любопытно... но я не хотел тебе мешать...

Людвиг снова смущается. Елизавета легко соскакивает с седла. Впервые за все это время смотрит на Людвига, разглядывает его с откровенным любопытством, интересом, почти с удивлением.

Елизавета. Конечно, ты изменился. Ты стал еще красивее. Самый красивый король в Европе. Правда, это не трудно, но все-таки...

Елизавета держит лошадь под уздцы, а Людвиг по правилам придворного этикета склоняется в низком приветственном поклоне.

Елизавета. Значит, ты пришел подсматривать за мной?.. Или поздороваться?

Людвиг качает головой, улыбается, смущенно проводит рукой по волосам.

Людвиг. Не знаю... Наверно, и то и другое. И потом, это был повод не ходить на ужин... Не люблю я этих официальных церемоний. Конечно, я понимаю, что все дело в привычке. Но ведь и ты...

Елизавета. О, это совсем другое дело. Я сбегаяю, когда хочу сбежать. И на глазах у всех.

Елизавета смотрит Людвигу прямо в глаза, и Людвиг снова робеет.

Елизавета. Верно. Мне говорили. Ты все больше становишься похож на меня. Ты тоже считаешь, что мы с тобой похожи?

Людвиг. Не знаю... Я был бы счастлив.

Елизавета смотрит на него с легкой иронией. Ида Ференци, придворная дама Елизаветы, появляется у входа в манеж и сразу исчезает. На лице Елизаветы проступает выражение досады. Но вот, снова улыбнувшись, она обращается к Людвигу с видом заговорщицы.

Елизавета. Я очень рада, что ты пришел. У меня нет никакого желания возвращаться. А у тебя?

[Сцена 9

У входа в манеж. Натура. Ночь. Графиня Ференци собирается последовать за Елизаветой в карету, Елизавета даже не смотрит в ее сторону. Неподалеку Елизавета замечает двухколесный экипаж Людвига. Кучер держит лошадь под уздцы.

Елизавета (*показав на кучера*). Его отошли... Или, может быть, ты боишься, если я сама буду править?

Не дожидаясь ответа, Елизавета подходит к двуколке, садится на козлы и берет поводья. Потрясенный, счастливый Людвиг следует за ней.

Елизавета (*графине Ференци*). Возвращайтесь, графиня. Вы мне больше не нужны.

Легким ударом хлыста Елизавета трогает экипаж с места. Лошадь идет рысью.]

Сцена 10

Просека. Натура. Ночь. Экипаж стоит на тропинке. Людвиг и Елизавета, беседуя, прогуливаются неподалеку. Елизавета растеряла всю свою веселость, и теперь на ее лице появляется выражение глубокой печали.

Елизавета. ...и вдруг ты замечаешь, что дом, который ты

считала своим, на самом деле мрачный и зловецкий замок... и ты не понимаешь, как можно было просидеть в нем в добровольном затворничестве больше десяти лет... Тебя сводят с ума топот сапог охранных, соглядатаи за каждым кустом... И муж, который всегда в военном мундире, говорит только о войне, уходит на войну, приходит с войны, проигрывает войну, вдруг начинает казаться тебе чужим. Чужим... с той минуты, как ты понимаешь, что твоя любовь к нему не способна завоевать даже его доверия... и теперь ты видишь, какие гнусные у него советчики, как он зависит от своей матери. Однажды я вдруг заметила все это и как будто пробудилась от долгого сна. С тех пор меня одолевает тоска. Пока в один прекрасный день я не уехала. Испания, Греция, Кипр, Италия... страна, где цветут лимоны... С тех пор я спасаюсь только бегством. Говорят, что у меня причуды. Но они и раньше это говорили, когда я жаловалась, что в Шёнбрунне нет ванны, протестовала против неправильного воспитания моих детей и когда предупреждала, что Грюн приведет Австрию к разрухе... Меня порицали за все, что бы я ни говорила, что бы ни делала... Впрочем, мне это все совершенно безразлично...

Людвиг. Я всегда слышал о тебе только восторженные отзывы.

Елизавета пожимает плечами.

Елизавета. Раненые солдаты аплодируют мне и плачут, когда я навещаю их в госпитале. Мною восхищаются на официальных приемах, когда нужно быть красивой, очаровать того или другого... Кстати, ты тоже должен уметь это делать...

Елизавета, неожиданно оборачиваясь к Людвигу, с насмешкой спрашивает.

...А кого ты должен очаровать? Русского царя? Я слышала, они хотят женить тебя на его дочери...

Людвиг смеется.

Людвиг. Я тоже об этом слышал. Только я не собираюсь жениться. Пока. Мне всего девятнадцать лет.

Елизавета. Я вышла замуж в пятнадцать. Говорят, что тогда я была слишком молода и быстро утомилась, а вот теперь наверстываю упущенное, что у меня много любовников, даже среди конюхов. Как ты думаешь, это правда?

Людвиг наклоняется к кухне. Теперь его лицо почти касается ее лица.

Людвиг. Я думаю, что все мужчины влюблены в тебя.

Елизавета откидывает голову, отстраняясь от Людвига.

Елизавета. Очень мило с твоей стороны. Но ты так и не ответил. Правда это или нет?

Людвиг. Я этого не слышал.

Елизавета делает нетерпеливый жест. Берет его лицо в свои ладони и пристально смотрит в глаза.

Елизавета. Ты не хочешь отвечать. Тогда я задам тебе другой вопрос. А то, что говорят о тебе, правда?

Какое-то мгновение Людвиг выдерживает пристальный взгляд кузины. Затем отводит глаза.

Людвиг. А что тебе говорили?

Елизавета смеется. Кладет ему руки на плечи.

Елизавета. Что у тебя еще не было женщин.

Людвиг стискивает зубы, но на этот раз не отводит взгляда, хотя ответ стоит ему явных усилий.

Людвиг. Я... католик.

Елизавета (*все так же пристально глядя ему в глаза*). И только поэтому?

На этот раз Елизавета отводит глаза первой. И говорит более светским тоном, как будто овладев собой.

Елизавета. Еще говорят, что ты любишь одиночество. Что презираешь людей, которые тебя окружают. Что по ночам едешь верхом, и поэтому тебя прозвали любовником луны. (*После короткой паузы.*) Впрочем, все это делаю и я. И при этом не чувствую себя Зигфридом.

Елизавета заканчивает фразу почти гневным тоном.

Людвиг (*медленно, вполголоса*). Я никогда и не думал о Зигфриде до этой ночи. (*Пауза.*) Знаешь, когда Зигфрид в первый и единственный раз в жизни испытал страх? Когда впервые увидел женщину...

Кузен и кузина стоят неподвижно, глядя в глаза друг другу. Издали слышится звук голосов и топот конских копыт. Елизавета, отпрянув от Людвиг, бежит к экипажу.

Елизавета. Нас ищут... Скорее... Пусть не радуются, что нашли. Садись, скорее...

Людвиг садится в двуколку, Елизавета пускает лошадь рысью.

Сцена 11

Королевская вилла в Ишле. Парк. Natura. День. Людвиг в окружении гостей, все они — почтенные, пожилые люди. Он принуждает себя слушать их с вежливым вниманием, однако не может удержать

ся, чтобы время от времени не посматривать в сторону придворных дам, окружающих Елизавету. Тут же, под присмотром гувернанток, играют дети. Краем глаза Людвиг замечает, что Елизавета отходит от группы дам и идет к детям. Он церемонно кланяется...

Людвиг. Простите...

И, не дослушав, стремительно покидает своего собеседника, который смотрит ему вслед, несколько удивленный и раздосадованный его внезапным уходом. Людвиг подходит к кухне, которая делает вид, что не видит его.

Людвиг. Елизавета.

Елизавета порывисто оборачивается и улыбается.

Елизавета. Она мне не нравится.

Людвиг. Кто?

Елизавета незаметно указывает ему веером на девочку лет десяти, которая играет с остальными детьми.

Елизавета. Дочь царя. Не женись на ней. Я тебе запрещаю.

Людвиг улыбается.

Людвиг. Обещаю. Ты только и делаешь, что командуешь мной... а я повинюсь.

Елизавета (*смеясь*). Будь осторожен. А то я могу тебе поверить.

Людвиг. Неправда. Ты все время смеешься надо мной.

Елизавета. Просто ты не понимаешь. (*Все тем же игривым тоном.*) Ты очень красивый, но не очень умный.

Людвиг (*серьезно*). Поэтому ты мне и нужна.

Елизавета. Не похоже. Я слышала, ты завтра уезжаешь.

Людвиг. Мне нужно уехать, но...

Елизавета смотрит на гостей, которых Людвиг только что оставил.

Елизавета (*чуть более громким, властным голосом*). Ты поступил крайне бесцеремонно с послем Италии. Возвращайся к нему.

Людвиг пытается протестовать, но Елизавета настаивает.

Елизавета. Иди и будь благоразумен... Добрые отношения с иностранными государствами устанавливаются даже за чашкой чая...

Людвиг готов послушаться ее и уйти, но Елизавета сама удерживает его.

Елизавета. Ты действительно завтра уезжаешь?

Людвиг не успевает ответить утвердительно, и Елизавета продолжает.

Елизавета. Ты знаешь, что через три дня полнолуние? И что

я буду одна? Можем ночью покататься верхом... Не хочешь составить мне компанию?

Наполовину прикрыв лицо веером, Елизавета насмешливо смотрит на кузена.

Елизавета. Какие у тебя могут быть срочные дела в Мюнхене? Кто у тебя там? Я разузнаю у нашего агента секретной службы. Ты что-то от меня скрываешь...

Заметив, что к ней приближаются графиня Ференци и другие дамы, Елизавета поворачивается спиной к Людвигу и идет им навстречу.

Сцена 12

Дом Вагнера на Байерштрассе. Интерьер. День. Вагнер сидит в кресле, заново обитом дорогим штофом. Сам Маэстро в новом нарядном шлафроке. Во время разговора Вагнер нервными пальцами пианиста поглаживает отвороты шелкового халата и ручку кресла, как будто проверяя на ощупь нежность и красоту ткани. В позе Вагнера, в его беспокойном взгляде есть что-то скорбно-возвышенное, как во взгляде умирающего человека. И это сглаживает резкость его слов, в которых иногда проскальзывают высокомерие и спесь.

Вагнер. Слишком красиво, ты говоришь. Да тут еще все надо обставить. Сменить шторы... Мне нужен другой рояль... Из Вены должна прибыть мебель...

Только теперь мы видим собеседников Вагнера, фон Бюлова и его жену Козиму. Фон Бюлов ходит по комнате, оглядываясь по сторонам. Козима сидит на диване в некотором отдалении, сдержанная и молчаливая и, кажется, совершенно безучастная к тому, что происходит вокруг нее. К Козиме мы подойдем постепенно, по ходу сцены, чтобы до поры до времени не раскрывать характер ее отношений с Вагнером, который станет очевиден только в финале сцены, когда, оказавшись с ним лицом к лицу, Козима явится нам совсем другой.

Вагнер. Если вы, как я надеюсь, решитесь переехать сюда, скажите, что вам нужно. Осмотрите те комнаты, которые я могу предоставить в ваше распоряжение...

Фон Бюлов оборачивается к жене, как бы приглашая ее принять участие в разговоре, но Козима словно не замечает его взгляда.

Фон Бюлов. Ради бога, тут все есть. И как я уже говорил... на мой взгляд, здесь даже слишком красиво.

Вагнер (*внезапно всплыв*). Что значит «слишком красиво»? Для меня ничего не может быть слишком красивым, потому что ничто не

может сравниться с красотой творений, которые вызывает к жизни моя фантазия. Почему «слишком красиво»? Или, может быть, я всю свою жизнь должен прожить, как бездомный пес в поисках подстилки? Я не могу довольствоваться скромным положением. Мне нужно все это для работы. Более того, мне нужно много больше. Мне нужна определенность. Неуверенность в завтрашнем дне действует мне на нервы, разрушает мой организм. Я больше не в состоянии написать ни единой ноты, теща себя надеждой, что однажды — может быть, к тому времени я уже давно буду в могиле — кто-нибудь и сыграет ее. Я хочу, чтобы моя музыка исполнялась при моей жизни, и так, как я этого хочу.

Фон Бюлов огорчен тем, что вызвал гнев Вагнера, но не удивлен, поскольку давно привык к перепадам настроения своего друга. Он пытается его успокоить.

Фон Бюлов. Это верно. Но теперь все, о чем вы мечтали, свершилось, как по волшебству.

Вагнер (*желчно*). Свершилось.

Неожиданно Вагнер меняет тон и, взяв под руку фон Бюлова, весело говорит ему:

Вагнер. Как по волшебству, это ты правильно сказал. Не только дом, деньги, постановка «Тристана» (шесть лет ты ждешь, бедный «Тристан»), но скоро у нас будет свой театр, о котором я всегда мечтал. Король выдал мне карт-бланш, и я уже написал Зсмперу, чтобы он приехал сюда со своими проектами. Ты получишь работу! Нужно сразу начинать искать исполнителей для «Тристана». Как ты думаешь, Майер будет свободен? А если мы не сможем его заполучить, кто еще, по-твоему, мог бы...

Фон Бюлов. Лучше бы он был занят. Честно говоря, другая кандидатура меня бы не огорчила. Майер с недавних пор...

И обрывает себя на полуслове, как будто сожалел о том, что всерьез заговорил о работе.

Фон Бюлов. Прости. А ты уверен, что мое имя не вызовет возражений? Здесь есть... хорошие дирижеры. И конечно, им не понравится, что кого-то берут со стороны.

Вагнер. Важно, чтобы это нравилось мне. Говорю тебе, король выдал мне карт-бланш. Когда мы с ним увиделись в первый раз, он обнял меня и был готов встать передо мной на колени. Он растрогал меня. Растрогал по-настоящему. Это необыкновенный мальчик. С нетерпением жду той минуты, когда смогу вас с ним познакомиться. (*Неожиданно раздраженно, резко.*) Конечно, если он вернется. Он сказал мне, что уезжает самое большее на два-три дня, а прошло по крайней мере двадцать. Его сановники пользуются этим,

чтобы не оплачивать мои счета. Ждут распоряжения короля. Все это просто смехотворно. Король очарователен. Настоящий ангел, сошедший с небес. Но он окружен мерзкими, тупыми, подозрительными людьми. И все они таковы, от первого до последнего. Не думаю, что среди них найдется хотя бы один мой доброжелатель. Вы не можете бросить меня здесь одного. Вы должны остаться со мной. Первый раз за все это время Вагнер подходит к Козиме. Он стоит перед ней, спиной к Бюлову, и смотрит прямо в глаза.

Вагнер (*Козиме*). Итак, решено?

Голос фон Бюлова за кадром. Дети будут мешать.

Вагнер полуоборачивается к фон Бюлову, который подходит к роялю и стоя берет один-два аккорда, как будто проверяя качество звучания инструмента.

Вагнер. Дом такой большой, не помешают.

Вагнер вновь смотрит на Козиму, которая в свою очередь пристально смотрит на него и говорит совершенно спокойно, но с внутренним напряжением.

Козима. И скоро будет еще один.

Выражение лица Вагнера меняется. В его глазах читается немой вопрос. Козима, не меняя позы, все так же снизу вверх пристально смотрит на Вагнера. Ее губы лишь чуть-чуть приоткрыты. Она молчит, но ее молчание равнозначно крику: «Он твой». Вагнер с силой сжимает руку женщины.

Сцена 13

Лес. Натура. Ночь. Полнолуние. Елизавета медленно идет среди деревьев, держа лошадь под уздцы. Опустив голову, она слушает Людвиг, который следует за ней и тоже держит лошадь под уздцы.

Людвиг (*вполголоса, нараспев читает стихи*). Вдыхаешь ли ты вместе со мной нежные ароматы ночи? /О, как сладостно обвевают они все наше существо./Таинственные, они приходят к нам из воздуха,/И ни единый вопрос не слетит больше с моих губ, пока я нахожусь во власти их чар./Те же чары влекут меня к тебе, любимая,/С того дня, как я увидел тебя впервые;/Знай, мне больше ничего не нужно./Глаза мои видели тебя, сердце полюбило¹.

Короткая пауза. Затем Елизавета оборачивается к Людвигу и, не снимая перчаток, аплодирует. Как будто не улавливая никакой связи между содержанием стихов и смыслом происходящего, говорит ему:

¹ Стихи Вагнера.

Елизавета. Пока мы в царстве поэзии, я следую за тобой. Что касается музыки, я никогда не замечаю ее отсутствия.

Людвиг (*стараясь побороть волнение*). Но поэзия Вагнера стоит его музыки. А музыка — поэзии. И одно не может существовать без другого. Из этого чудесного сплава рождается новый язык, который все будут понимать и с помощью которого смогут выражать любви, самые сокровенные свои мысли и чувства. (*Волнуясь*). Я не знаю, как тебе объяснить... Но я уверен... абсолютно уверен... что самый большой подарок, который можно сделать человечеству, — дать ему возможность развиваться духовно...

Елизавета (*с ласковой иронией*). Ты хочешь создать нацию музыкантов?

Людвиг. Не смейся надо мной. Это очень серьезно. По крайней мере для меня. Я обязан Вагнеру тем, что у меня появилась смелость... уверенность, скажем так... что я смогу что-то сделать в жизни, пусть даже в скромной роли посредника. Так же как я обязан тебе...

Елизавета. А чем же ты мне обязан?

Людвиг. Очень многим. Счастьем этих дней, которые я провел в ожидании минуты, когда смогу тебя увидеть. Это такая чистая, такая светлая радость...

Людвиг берет Елизавету за руку.

Людвиг. Обещай, что всегда будешь мне помогать, что не бросишь меня...

Елизавета отдергивает руку и, смеясь, гладит Людвигу по голове.

Елизавета. Ты и в самом деле еще совсем ребенок, Людвиг. И немного сумасшедший. Как вся наша семья. Вижу, что ты не составляешь исключения.

Людвиг. Обещай, что не оставишь меня. Прошу тебя только об этом. Видеть тебя, когда мне захочется тебя увидеть. Хоть одно мгновение побыть с тобой. Только одно мгновение, но зато мое.

Елизавета (*все так же шутливо*). Согласна. Хотя и не понимаю, как это можно сделать, если ты живешь в Мюнхене, а я — в Вене.

Людвиг. Я примчусь к тебе, где бы ты ни была... К тому же ты часто ездешь в Поссенхоффен, не заезжая к нам. Видишь, я все о тебе знаю... Но отныне... Слушай!

Людвиг очень возбужден и теперь действительно похож на мальчишку. Он сжимает руку Елизаветы, говорит очень быстро, весело и оживленно.

Людвиг. Я знаю, когда ты приедешь. На «Тристана» — это

опера Вагнера, которую мы будем ставить. Уже шесть лет Вагнер ждет этого дня, и вот я, понимаешь, даю ему такую возможность. Ты должна приехать. Это удивительная вещь... Тогда ты поймешь все то, что я не умею тебе сказать. И про меня. О том, что происходит со мной в эти дни. А потом... А потом ты одну минуту побудешь со мной. Ты мне скажешь только: я поняла. Потому что... ты поймешь. Знаешь, где мы встретимся? Помнишь, где мы виделись в последний раз? Тогда я был еще совсем маленьким. На Острове Роз. Я очень хотел, чтобы ты дождалась той минуты, когда я подниму вымпел на флагштоке. Помнишь?.. Скажи мне, что приедешь. Это чудесно. Клянусь тебе. Это... Это как море звуков, в которое ты погружаешься, словно в объятия...

Людвиг внезапно умолкает, заметив улыбку и иронический взгляд Елизаветы. Людвиг отпускает ее руку и обиженно поворачивается к ней спиной. Елизавета удерживает его и, обняв за плечи, притягивает к себе его голову.

Сцена 14¹

Озеро Берг. Натура. Ночь. В воде озера запрокинутая голова Людвиг. Ищут его тело. Слышны возбужденные голоса, отдающие приказы.

Голос за кадром. Смотрите лучше. Проверьте шестом. Берите шест. Осторожнее с веслами...

[Сцена 15

Королевская вила в Ишле. Интерьер. Ночь. Рассвет. Входит Елизавета. Идет очень осторожно, стараясь не шуметь. Край ее длинной юбки-амазонки и сапоги забрызганы грязью. Поднявшись по лестнице, она идет по длинному коридору, когда вдруг одна из дверей открывается и в ее проеме мы видим очаровательную девушку. Это Софья.

Софья (*вполголоса*). Елизавета!

Елизавета вздрагивает от неожиданности, оборачивается.

Елизавета. Софья!

Софья улыбается ей, а Елизавета, приложив палец к губам, просит ее говорить тише.

Софья (*вполголоса*). Где ты была?

Софья выходит из своей комнаты. Она в ночной сорочке и пеньюаре. Легко и бесшумно бежит вслед за сестрой.]

---

¹ Последняя сцена фильма при окончательном монтаже.

[Сцена 16

Апартаменты Елизаветы в Ишле. Интерьер. Ночь.

Елизавета. Когда вы приехали?

Софья. Поздно. Графиня Ференсци сказала, что ты недавно легла и что она не смеет тебя беспокоить. Ты не велела.

Сестры продолжают разговаривать вполголоса.

Елизавета. Да, я неважно себя чувствовала...

Софья с удивлением рассматривает испачканную грязью одежду и растрепавшуюся прическу сестры.

Софья. А где же ты была?

Елизавета. Тсс... Тебя услышат. Я не могла заснуть и решила покататься верхом.

Софья. Одна?

Елизавета. Конечно... Ну, разумеется, со слугой. Помоги мне раздеться.

Елизавета тихо смеется. Софья внимательно смотрит на сестру. Елизавета продолжает улыбаться, берет сестру за подбородок, всматривается в ее лицо.

Елизавета. Ты прекрасно выглядишь... Хорошенькая.

Софья улыбается.

Софья. Правда?

Елизавета. А в эти дни ты должна быть еще красивее...

Софья удивлена.

Софья. Почему?

Софья спрашивает слишком громко. Елизавета прижимает палец к губам.

Елизавета. Тсс... Здесь есть один человек, который ждет тебя с нетерпением.

Софья. Меня?

Елизавета. Он специально отложил на две недели свой отъезд... Хочет увидеть тебя...

Софья. О ком ты говоришь?

Елизавета тихо смеется.

Елизавета. А как ты думаешь? О человеке, который будет твоим мужем. Он красив, очень красив, король...

Софья удивляется все больше.

Софья. Что такое ты говоришь? Кто это?

Елизавета. Твой кузен... Наш кузен Людвиг.

Софья. Людвиг?

Софья радостно смеется.]

Сцена 17

Кайзервилла. Натура. Бад-Ишль. Утро. Людвиг в седле. В таком же нетерпеливом ожидании, как и его изумительной красоты кобыла. Смотрит в сторону виллы, откуда должна появиться Елизавета. Наконец в дверях появляется женская фигура, но Людвиг разочарован: это не Елизавета, а Ференсси. Графиня подходит к королю и делает реверанс.

Ференсси. Ее величество просит ее извинить, она не совсем здорова и решила сегодня утром не ездить верхом.

На лице Людвига выражение глубокой досады.

Ференсси. Ее величество поручила мне просить Ваше величество быть у нее сегодня вечером на обеде en petite comité¹.

Последние слова графини возвращают Людвигу душевное равновесие.

Людвиг. Передайте императрице мои наилучшие пожелания и скажите ей, что я с благодарностью принимаю ее приглашение... Графиня вновь делает реверанс и уходит. Людвиг спешивается и подзывает пажа.

Сцена 18

Апартаменты Елизаветы в Кайзервилле. Бад-Ишль. Интерьер. Ночь. Елизавета встречает короля в большом зале. Но она не одна: с ней ее мать, две сестры — Софья и Елена, братья Карл и Людовик. При появлении Людвига женщины делают реверанс, а молодые люди щелкают каблуками. Елизавета улыбается Людвигу, который в некотором замешательстве созерцает эту семейную группу, ожидающую его знака, чтобы прервать свое затянувшееся приветствие. Наконец Людвиг приближается к герцогине Людвиге и, протянув ей руку, помогает подняться.

Людвиг. Тетя...

Людвиг целует руку герцогине, затем по очереди приветствует обеих сестер, которые снова делают реверанс.

Софья. Ваше величество...

Елена. Ваше величество...

---

¹ В узком кругу (*франц.*).

Кивком головы Людвиг приветствует кузенов и вновь оборачивается к герцогине.

Людвиг. Мне не сообщили, что вы прибыли в Бад-Ишль.

Герцогиня. Ваше величество знает Елизавету — вдруг заскучала по семье. И вот братья и сестры должны бежать к ней, потому что ей грустно.

Взгляд герцогини падает на букетик цветов, который Людвиг продолжает растерянно вертеть в руках. Людвиг замечает ее взгляд и несколько неуклюже протягивает его Елизавете.

Людвиг. Я посылаю курьера в Берг. А так как я знал, что в оранжереях...

Людвиг умолкает, и Елизавета берет цветы из его рук.

Елизавета. У них дивный запах. Поди сюда, Софья...

Говоря это, Елизавета протягивает цветы сестре.

Софья. Да, необычайный...

Софья с восхищением смотрит на короля, в то время как герцогиня обращается к нему светским тоном.

Герцогиня. Давно уже в Бад-Ишле не съезжалось такое блестящее общество. Елизавета сказала мне, что здесь русская царевна и наследный принц Пруссии. А через несколько дней к нам присоединится император. Не так ли, Елизавета?

Елизавета. Франц телеграфировал мне, что будет здесь, как только позволят дела.

Герцогиня. Настоящая семейная встреча...

Говоря это, герцогиня отходит от общей группы и оказывается вместе с Людвигом несколько в стороне.

Герцогиня. Ваше величество, вы очень правильно поступили, обратившись к Елизавете... Здесь, в Бад-Ишле, присутствие Софьи будет выглядеть как отдых на каникулах...

Глаза герцогини излучают радость. Людвиг в замешательстве. Он вопросительно смотрит на Елизавету, присоединившуюся к матери, но лицо кузины непроницаемо. Внезапно она оборачивается к Софье, которая разговаривает с одним из братьев.

Елизавета. Софья...

Софья идет к ним, а Елизавета тем временем обращается к Людвигу. В ее глазах вспыхивает хорошо знакомая кузену насмешка.

Елизавета. Софья, так же как ты, любит музыку Вагнера, кузен. Уверена, что у вас будет о чем поговорить...

Людвиг с обидой смотрит на Елизавету. Пытается овладеть собой.

Людвиг. К сожалению, придется отложить этот разговор до другого раза... Я зашел только для того, чтобы проститься...

Слова Людвига явно огорчают герцогиню и Софию. Елизавету, напротив, кажется, радуют, во всяком случае в первый момент.

Людвиг. Завтра утром я должен быть в Мюнхене и поэтому уезжаю сегодня ночью.

Людвиг кланяется герцогине.

Людвиг. Прошу меня извинить...

Удивленное этим неожиданным прощанием, семейство вновь приседает в обязательном придворном поклоне. Людвиг идет к двери. Елизавета провожает его. Но, сделав несколько шагов, Людвиг останавливается и, как бы уклоняясь от этой чести, подчеркнуто холодно протягивает ей руку, церемонно раскланивается. Непроницаемый взгляд, говорит очень тихо, почти про себя.

Людвиг. Благодарю тебя за эти счастливые дни. Я буду ждать тебя... хотя ты мне ничего и не обещала...

Елизавета долго смотрит вслед Людвигу, который идет по аллее парка, и лакеи застывают в поклоне при его приближении.

[Сцена 19

Сцена театра. Интерьер. Ночь. Второй акт «Тристана». Башня, лес, луна. Изольда зовет возлюбленного, с помощью платка подает ему условный знак, что путь свободен, что она его ждет. Тристан появляется на сцене, и они бросаются в объятия друг друга, под мощные звуки музыки, прославляющие величие любви.]

[Сцена 20

Королевская ложа. Ночь. Закрыв глаза, Людвиг слушает любовную сцену из второго акта «Тристана». Сходство этой истории любви с его любовью к Елизавете так велико, что на глазах Людвига выступают слезы.]

Сцена 21

Остров Роз. Натура. Ночь. Вымпел на флагштоке поднят, но в окнах павильончика не видно света. К острову, который кажется необитаемым, причаливает лодка. Лодочник помогает сойти на берег двум женщинам. Приглушенные голоса. Одна из дам направляется к павильону, а другая, закутанная в шаль, остается ждать на пристани. Женщина, оставшаяся на пристани,— графиня Ференци, которая беспокойным взглядом провожает... Елизавету, направляющуюся к павильону. Из темноты выходит часовой.

Часовой (*громко*). Кто идет?

Людвиг. Это ты?

Лицо Людвига озаряется радостью. Посторонившись, он пропускает Елизавету в дверь. Часовой уходит. Но Елизавета не собирается входить. Остановившись на пороге, она сурово смотрит на Людвига.

Елизавета. Не люблю, когда меня ждут. Не люблю разочаровывать... так же как внушать несбыточные надежды.

Людвиг удивлен тоном Елизаветы, но все еще под впечатлением от ее неожиданного визита.

Людвиг (*с робкой улыбкой*). Я и не надеялся. Я был уверен, что ты не придешь, как не пришла в театр. (*Возбужденно*.) Как жаль! Знаешь, это был настоящий триумф! Зрители непрерывно аплодировали. Прямо с самого начала. Когда Вагнер вышел на сцену и сказал... сейчас я постараюсь точно передать тебе его слова... он сказал, что так же, как Тристан и Изольда...

Елизавета (*резко перебивая его*). А сколько все это стоило?

Людвиг (*растерянно*). Что именно?

Елизавета. Этот спектакль, Вагнер, его дирижер, семья дирижера. Дом Вагнера и дирижера, семьи дирижера...

Людвиг (*искренне удивлен*). Что за вопросы ты задаешь? Какое все это имеет значение? Говорю тебе, это был триумф!

Елизавета. Триумфы быстро забываются. И именно триумфы вызывают самую яростную критику. А здесь она началась еще до триумфа. Знаешь, что говорят о тебе? Что ты такой же, как твой дед. Что он разорил страну из-за Лолы Монтез, а ты разоряешь ее в угоду своему Лолотту, так они называют Вагнера.

Людвиг (*возмущенно*). И ты придаешь значение всем этим сплетням?

Елизавета. Да. Когда они соответствуют действительности. (*Пауза*.) Чего ты добиваешься? Войти в историю благодаря Рихарду Вагнеру? (*Презрительно*.) Как моя свекровь со своими дурацкими художниками. Если твой Рихард Вагнер действительно такой гений, как ты говоришь, он обойдется и без тебя. А возня с ним нужна тебе только для того, чтобы тешить себя иллюзией, будто ты что-то делаешь. Так же как я нужна тебе только для того, чтобы ты считал, будто любишь. Имей мужество жить реальной жизнью.

Людвиг совершенно подавлен гневной вспышкой Елизаветы. Заметив это, она старается говорить мягче.

Елизавета. Ты не можешь оставаться один... А я... Я ничем не могу тебе помочь.

Людвиг. Я ничего у тебя и не прошу...

Елизавета (*опять жестко*). Неправда. Я твоя несостоявшаяся

любовь, которая служит тебе оправданием перед самим собой. Тебе нужна помощь. Я не могу тебе помочь. Женись. Женись на Софье.

Людви г. Я никогда не полюблю другую женщину...

Елизавета (*снова перебивая его*). Любовь — это еще и обязанность. У тебя должна быть реальная жизнь. Забудь мечты о славе. (*С неожиданной горечью.*) Правители, подобные нам, не имеют истории. Мы нужны только для парадов. Будущие потомки вспомнят о нас лишь в том случае, если какой-нибудь чужац, преувеличив наше значение, возьмет на себя неблагодарный труд прикончить кого-нибудь из нас.

Сцена 22

Спальня Елизаветы. Интерьер. День. [Стремительно мелькающий кадр: рука с ножом, занесенным для удара...] И сразу после: Елизавета под белым покрывалом на смертном ложе. Отель «Бориваж» в Женеве.

Сцена 23

Кабинет. Дом Вагнера на Байерштрассе. Интерьер. День, потом вечер. Вагнер играет музыку Оффенбаха. Неожиданно обрывает игру, резко опускает крышку рояля и встает. Ходит взад и вперед по комнате. Людви г, он сидит у стола, на котором разбросаны рисунки и чертежи Земпера для нового театра, не сводит с него глаз.

Вагнер (*гневно*). Вот какую музыку любят немцы, а не мою! Людви г смеется.

Вагнер. Дня не проходит, чтобы мюнхенские газеты не поносили меня.

Людви г. А вы их не читайте. Я отдам приказ, чтобы вам не давали газет...

Вагнер. Тогда отдайте заодно приказ, чтобы меня не выпускали из дому. Меня оскорбляют и на улице.

Людви г. Это моя тайная мечта. Сделать вас своим пленником. Знать, что вы работаете только для себя и для меня...

Вагнер (*нахмурившись*). Сколько раз я спрашивал себя, хватит ли у меня сил.

Слова Вагнера огорчают Людвига.

Людви г. Хотя бы в вас я должен верить...

Вагнер. Может быть, это страх перед жизнью, который иногда охватывает меня. Той жизнью, которую я вел до встречи с вами, Ваше величество.

Неожиданно оживившись, Вагнер подходит к столу с чертежами.
Говорит с воодушевлением.

Вагнер. Как может заметить Ваше величество, лож вообще нет. Зал в форме амфитеатра. Таким образом, зрители представляют идеальную общность вместо разрозненной, социально разоб-щенной массы. Оркестровая яма намного ниже сцены — это лучше видно на другом эскизе... и... система освещения зала совершенно новая... Все внимание зрителя должно быть сосредоточено на сцене. Поэтому в зале необходимо добиться полной темноты... Руки Вагнера нервно пробегают по разбросанным на столе бумагам, выхватывая то один, то другой рисунок.

Людвиг, наклонившись, внимательно рассматривает эскизы.

Людвиг. А сколько мест?

Вагнер. Полторы тысячи... (*Вагнер тоже наклоняется, чтобы лучше видеть.*) Да... 1500... 1700... Потом Земпер рассчитает точнее. По-моему, нужно по крайней мере 2000... Но... Расходы...

Вагнер обеспокоен молчанием и сосредоточенным, почти угрюмым выражением лица Людвига.

Вагнер (*неожиданно раздраженным тоном*). Потом они все равно их сократят. А скорее всего, вообще провалят проект.

Людвиг. Почему вы так думаете?

Вагнер. Именно этим все и кончится. Я чувствую.

Людвиг пытается что-то возразить, но Вагнер раздражается все сильнее.

Вагнер. Уж если постановка «Тристана» вызвала такую бурю, могу себе представить, что произойдет, когда они узнают о строительстве нового театра! Да они будут считать, что их обокрали! Хорошо еще, если меня не посадят в тюрьму! Какой темный, дикий народ! Какое невежество! Как вообще можно работать для такой публики! Еще во времена Платона говорили о значении музыки в государстве. Но они ничего об этом не знают... и знать не хотят. Они думают, что это выброшенные на ветер деньги. Считают расходы! Расходы! Тенор... бас... оркестр...

Людвиг. Все это пустяки... И не имеет никакого значения...

Вагнер (*все так же возбужденно*). Может быть! Просто ничтожные, невежественные люди. (*Постепенно берет себя в руки.*) Прошу прощения. Успех «Тристана» придал мне сил, вселил надежды на будущее, веру в мою работу. Но эти глупые нападки испортили все. И у меня такое впечатление, что и Вашему величеству они тоже не

совсем безразличны. Я вижу вашу растерянность... нерешительность... печаль...

Людвиг (*решительно протестуя*). Мою? Нет, нет! Это не потому! Совсем нет! Как вы могли подумать? Если бы не вы, мне было бы совсем плохо. Вы — мое спасение. Моя радость. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы построить этот театр... употребляю все свои силы... всю свою любовь...

Вагнер смотрит на Людвига. Понимает, что он подавлен, угнетен. Молодой человек вызывает у него симпатию и нежность. Он кладет свою руку на руку Людвига, как бы желая его успокоить.

Вагнер. Я хотел бы пожелать Вашему величеству и других радостей. Тех радостей, которыми я пренебрег из-за своих фантазий, заслонивших от меня все прелести жизни. Жизнь со всеми ее удовольствиями и соблазнами, любовь — все это существует лишь в моем воображении. Вечно одинокий, я ищу прибежища в ночных грезам...

Людвиг (*взволнованно*). Если моя дружба...

Комната постепенно погружается в темноту. Неожиданно раздается робкий стук в дверь, и луч света разгоняет вечерние тени. Входит горничная с чайным подносом, и сразу вслед за ней — Козима. Она несет лампу, которую ставит на столик. Козима делает реверанс.

Козима. Прошу извинить, если мы вам помешали. Но начало темнеть, а наша служанка Фанни не решалась войти и зажечь свет, пока ее не позовут. И вот пришла ко мне за поддержкой.

Козима зажигает другую лампу, в то время как служанка ставит поднос на специальный столик.

Людвиг (*обращаясь к Козиме*). Это мы должны просить у вас прощения.

Козима улыбается королю и смотрит на Вагнера, как будто ожидая от него подсказки, что ей делать дальше. Но Вагнер молчит. Тогда Козима решительно идет к столику, на котором сервирован чай.

Козима. Разрешите предложить вам чашку чая?

И она начинает разливать чай, взглядом дав понять горничной, что та свободна. После короткого замешательства горничная, следуя молчаливому приказу, выходит из комнаты.

Козима (*разливая чай, Вагнеру*). Как вы чувствуете себя сегодня? Удалось хоть немного отдохнуть? (*Людвигу*.) Молоко, Ваше величество?

Людвиг. Благодарю. (*Вагнеру с беспокойством*.) Вы нездоровы?

Почему вы мне не сказали? Мы могли бы перенести наш разговор на завтра...

Вагнер. Я прекрасно себя чувствую.

Козима (*твердо*). Это неправда.

Вагнер (*раздраженно*). С теми, у кого плохие нервы, как у меня, это случается. Уже много лет не проходит дня, чтобы у меня не болела немного голова...

Козима. Извините. Но у вас не просто немного болит голова. Не вижу причин, почему бы не информировать Его величество о состоянии вашего здоровья.

Вагнер (*Людвигу*). Все это преувеличения. Просто я всегда плохо себя чувствую. (*С наигранной веселостью*.) Однажды, много лет назад, я решил вылечиться раз и навсегда. Отправился на климатический курорт в надежде познать это редкостное счастье — радость бытия, знакомую лишь тем, кто заботится о своем здоровье. Кончилось это тем... (*Обрывая себя*.) Невеселая, однако, история. Так вот, никогда еще я не чувствовал себя так плохо, как там.

Короткая пауза. Козима продолжает стоять. Людвиг, который до сих пор сидел, встает, приглашая ее сесть. Козима качает головой.

Козима. Не хочу вам мешать.

Людвиг. Прошу вас. Пожалуйста, расскажите мне правду о болезни Маэстро.

Козима смотрит на Вагнера.

Вагнер. Я сказал правду.

Козима (*твердо*). Нет.

Козима садится и обращается к Людвигу.

Козима. Я лишь недавно, с тех пор как поселилась в этом доме, вижу Маэстро ежедневно и могу судить о состоянии его здоровья. Но мой муж — его самый близкий друг и помощник. Маэстро действительно страдает хроническим нервным переутомлением. Думаю, что его болезнь можно так назвать. Но в последнее время нервы его совершенно взвинчены, к постоянным головным болям добавились еще бессонница и общее недомогание, так что состояние здоровья Маэстро вызывает серьезное беспокойство. По-моему, в таких случаях от медицины мало проку, нужно устранять причину расстройства...

Людвиг. Я говорил Маэстро, что не стоит обращать внимания на все эти газетенки...

Козима (*прерывая его*). Прошу прощения, Ваше величество. Но вовсе не это беспокоит Маэстро. И даже не судьба театра. Нет, Маэстро тревожит будущее... он обеспокоен тем, что ему не уда-

лось своевременно уладить одно неприятное дело, которое тянется уже очень давно. Старые долги, которые...

Вагнер вскакивает, как будто раздосадованный тем оборотом, который принял разговор.

Козима (*так же твердо*). Простите, Маэстро. Его величество спросил мое мнение, и я считаю своим долгом сказать ему правду.

Людвиг. Но ведь теперь все страхи позади. Я...

Козима (*очень спокойно*). В этом пункте я должна согласиться с Маэстро Вагнером. Положение гостя не дает ощущения полной безопасности и уверенности в будущем.

Людвиг (*с трудом подбирая слова*). Маэстро не гость. Я оплачиваю его услуги как любой наниматель, и даже лучше...

Вагнер. Конечно, конечно. К чему этот разговор?

Козима. Потому что вы очень часто об этом говорите и постоянно думаете. И я не понимаю, почему не рассказать обо всем Его величеству откровенно.

Вагнер (*повысив голос*). Госпожа фон Бюлов!

Козима встает и делает реверанс. Людвиг также встает. Обращается к Козиме, но адресуется к Вагнеру.

Людвиг. В ближайшие дни я проведу тайное совещание с госпожой фон Бюлов, которая станет моей союзницей в заговоре против вас. (*Оборачиваясь к Козиме.*) Вы подскажите мне, что я должен сделать, чтобы мой друг был спокоен.

Прощаясь, Людвиг протягивает Вагнеру руку, одновременно пытаясь удержать его в кресле.

Людвиг. Не вставайте, прошу вас. Я знаю дорогу. К тому же этим вы доставите мне удовольствие думать, что считаете меня одним из ваших близких...

Вагнер, который уже почти поднялся, вновь опускается в кресло, как будто отброшенный взглядом Козимы.

Козима. Я провожу вас, Ваше величество...

Козима пропускает короля вперед и торопливо идет вслед за ним. Уже на пороге комнаты снова возобновляет разговор с Людвигом. Делает это крайне непринужденно.

Козима. Я могу сразу сказать вам, в чем состоит желание Маэстро... Просьба, с которой он собирается обратиться к Вашему величеству... думаю, в письме... во всяком случае, так сказал мне мой муж, касается некоторой денежной суммы, которая позволила бы ему рассчитаться со старыми долгами и уверенно смотреть в будущее. Иначе ему придется уехать из Мюнхена... Так вот, ему нужно двести тысяч гульденов...

Людвиг потрясен величиной названной суммы.

Людвиг. Двести тысяч...

Козима (*невозмутимо*). Двести тысяч гульденов. Часть этой суммы может быть выдана наличными, а другая выплачиваться в счет месячного содержания.

Людвиг машинально продолжает идти вперед, но постепенно замедляет шаг.

Людвиг. Такую сумму я могу получить только из казны. Для этого нужна санкция Пфистермайстера и фон Пфурдена...

Входная дверь открывается. Людвиг целует Козиме руку.

Людвиг. Я сообщу Маэстро свой ответ.

И прежде чем Козима успевает сделать реверанс, король стремительно выходит. Козима медленно закрывает дверь и идет обратно. Навстречу ей выходит Вагнер, который шел за ними и слышал весь разговор.

Вагнер. Вот они, эти меценаты. Сулят моря и горы, клянутся в вечной любви и дружбе, и что же? Безмозглый мальчишка! Последний сумасшедший в семье сумасшедших...

Козима подходит к Вагнеру. Целует его в щеку.

Козима. Он сделает для тебя все, что ты захочешь, я уверена...

[Сцена 24]

Кабинет директора Баварского национального банка. Мюнхен. Интерьер. День. Директор, низенький толстый человек с острой бородкой и усиками, в строгом форменном костюме, предупредительно выскочив из-за огромного письменного стола, идет навстречу Козиме фон Бюлов, часто кланяясь. Подобострастно целует ей руку, которую она протягивает ему подчеркнуто холодно и надменно.

Директор Баварского банка. Уважаемая госпожа фон Бюлов! Ваш покорный слуга. (*Улыбается галантно и чуть двусмысленно.*) Я и наш банк, которым я имею незаслуженную честь управлять, в полном вашем распоряжении.

Козима отвечает ему приветливой улыбкой. Она опускается в кресло, откинув густую вуаль, закрывавшую красивое, но бледное и озабоченное лицо.

Директор Баварского банка. Прекрасная госпожа, мы уполномочены выдать вам деньги в том количестве и в те сроки, которые вы указали... Но... Есть один пункт, прекрасная госпожа... И поверьте, я в отчаянии от того, что вынужден вам это говорить.

Мы располагаем лишь половиной указанной суммы в бумажных купюрах... Понимаете? Другая половина...

Козима с удивлением смотрит на директора банка.

Директор банка. Мне остается только извиниться перед вами, госпожа фон Бюлов... но что поделашь... вот...

С этими словами директор показывает на кучу мешков, сложенных в углу. Проследив взглядом в указанном направлении, Козима приходит в ужас. Решительно встает.

Козима. Надеюсь, вы не думаете, что я понесу эти мешки?

Директор банка. Госпожа, я лишь следую полученным указаниям.

После минутной растерянности Козима принимает самое разумное, а главное, практичное решение.

Козима. По крайней мере возьмите на себя труд вызвать две кареты и предоставьте в мое распоряжение двух служащих вашего банка...

И, полная достоинства, даже не попрощавшись с директором, который вновь начинает учтиво кланяться, Козима направляется к выходу.]

[Сцена 25

Фасад Баварского национального банка. Мюнхен. Натура. День. У входа в банк стоят два экипажа и даже небольшой вооруженный эскорт. Вокруг начинают собираться любопытные, привлеченные необычным зрелищем. Служащие банка в соответствующей униформе грузят в кареты тяжелые мешки. Как будто нарочно работа производится крайне медленно. Козима, которая вначале наблюдала за происходящим со стороны, тоже начинает таскать мешки и грузить их в кареты. Любопытных становится все больше, и разумеется, Козима оказывается главным объектом внимания и грубых шуток. Однако, сохраняя полную невозмутимость и спокойствие перед угрозой надвигающейся бури, она лишь снова опускает вуаль. Проследив за погрузкой последнего мешка и назвав адрес Байерштрассе, она садится в первый из двух экипажей, которые с трудом продвигаются в толпе обступающих их зевак.]

Сцена 26

Кабинет короля в резиденции. Интерьер. День. Король сидит за письменным столом. Фон Гольштейн передает ему папку с бумагами.

Фон Гольштейн. Это копии рапортов и писем, которые вы у меня просили.

В том, как Людвиг принимает бумаги, есть что-то необычное...
...И сразу бросает их на стол, как будто они жгут ему руки.

Людвиг. Никогда не думал, что наша полиция так оперативна.

Фон Гольштейн. Вполне оправданная мера предосторожности, Ваше величество. Вагнер иностранец, был революционером... С первого дня его приезда сюда переписка маэстро контролируется, а за ним самим установлено наблюдение... Мы действовали по инструкции...

Людвиг. Конечно...

Людвиг продолжает рассматривать бумаги, но издали, не дотрагиваясь до них.

Фон Гольштейн. Письма и отчеты по ним не оставляют никаких сомнений относительно отношений между Вагнером и госпожой фон Бюлов. Все то, что газеты...

Людвиг останавливает его жестом.

Людвиг. Спасибо.

Медленно, с явным отвращением Людвиг открывает папку с бумагами и листает ее, не читая.

Голос фон Гольштейна. В приемной я встретил маэстро Вагнера и супругов фон Бюлов. Они просят их принять.

Людвиг продолжает молча листать бумаги, не читая.

Сцена 27

Зал резиденции. Интерьер. Ночь.

Вагнер (*бледный, осунувшийся, запинаящийся от волнения*). Его величество король советовал мне не придавать значения газетам... не обращать внимания на те критические выпады и инсинуации, которые каждый день, с тех самых пор, что я здесь, печатают в местной прессе. Я последовал его совету. Терпел. Молчал. И продолжал бы терпеть и молчать, если бы это касалось только меня. Но сейчас оскорбляют уже не только меня...

Лишь теперь мы видим, к кому обращается Вагнер. Рядом с ним стоит Людвиг, который молча слушает и так пристально смотрит на него, что Вагнер нервничает и теряется. Прервав свою речь, он оглядывается назад, как будто ища поддержку у своих друзей. Посреди зала стоят супруги фон Бюлов. Муж Козимы подходит к Людвигу, говорит учтиво, но решительно.

Фон Бюлов. В «Фольксботе» напечатали статью, в которой написано, будто моя жена — любовница Рихарда Вагнера. Я вызвал директора газеты на дуэль.

Людвиг продолжает молчать. Встревоженный фон Бюлов вопросительно смотрит на Вагнера. Вагнер все больше терется под перекрестным огнем пристального взгляда Людвига и подбадривающих взглядов фон Бюлова и Козимы.

Вагнер. Все это очень тяжело, Ваше величество.

Людвиг проводит рукой по волосам. Он все так же неотрывно смотрит на Вагнера и начинает говорить медленно, тихо.

Людвиг. Конечно. Конечно. Тем более что в этой статье кроме упоминания о вашей связи с госпожой фон Бюлов сказано, что господин фон Бюлов знал об этом и терпел, потому что ему это было выгодно.

Людвиг переводит взгляд с Вагнера на супругов фон Бюлов и, повысив голос, говорит с вымученной, горькой усмешкой.

Людвиг. Мы все оказались втянутыми в эту историю. Господин фон Бюлов, который все знает о своей жене, но делает вид, будто ему ничего не известно, потому что, решив расстаться с ней, он должен был бы отказаться от почетной и доходной обязанности дирижировать операми ее любовника. Я, который, как предполагают, тоже знаю все... потому что мой друг Вагнер ничего от меня не скрывает... Я его покровитель... его доверенное лицо... И еще один, как оказалось, очень важный факт... касающийся уже не только лично меня, но в смысле его общественного резонанса... что я, друг, поклонник, доверенное лицо, покровитель, готов на все ради своего любимца.

Лицо Вагнера покрывает мартвенная бледность, он все больше нервничает. Слова Людвига, видимо, настолько задевают его, что он решается перебить короля.

Вагнер (*говорит то фопливо*). Это отвратительная клевета, Ваше величество. Невыносимая клевета. И только вы, Ваше величество, можете помочь нам ее опровергнуть. Если бы вы, Ваше величество, написали письмо господину фон Бюлову... самое обычное письмо, в котором вы выразили бы ему свое уважение и поддержку... и если бы это письмо было опубликовано в газете...

Людвиг вновь пристально смотрит на Вагнера. Тот нервничает, на лбу выступают капли пота.

Людвиг (*вполголоса*). Лоэнгрин защищает Эльзу на поле боя. С оружием в руках сражаться легче, чем с помощью писем.

Избегая взгляда Людвига, все так же волнуясь, испытывая неловкость, Вагнер достает из кармана письмо.

Вагнер. Если позволите, Ваше величество... Я тут набросал черновик... (*Разворачивает листок и читает.*) «Дорогой господин фон Бюлов, имея возможность оценить высокие достоинства вашей уважаемой супруги...»

Людвиг вырывает листок из рук Вагнера.

Людвиг. Хорошо. Я понял. Я это перепишу и передам вам завтра.

Вагнер (*почти униженно*). Ваше величество не желает дочитать до конца?

Людвиг качает головой. У него грустный и усталый вид.

Людвиг. В этом нет необходимости. Я уверен, что это именно то, что нужно.

Козима подходит к нему и делает глубокий реверанс.

Козима. Ваше величество, моя благодарность...

Людвиг усталым жестом руки останавливает ее.

Людвиг. Это мой долг. Вагнер знает, как я ценю настоящую дружбу.

Сцена 28¹

Из показаний. Интерьер. День. Пожилой генерал, худой, с беспокойным взглядом светлых глаз и породистым, аристократическим лицом, обезображенным нервным тиком, говорит громким четким голосом, как будто отдает приказы на поле боя.

Генерал. То, что Его величество король Баварии страдает психическим расстройством, я понял еще в 1866 году, когда Ее величество королева-мать пригласила меня принять участие в совете незадолго до нашего неудачного вступления в войну. По общему убеждению, позиция короля, вызвавшая недовольство в народе и не совпадавшая с позицией правительства, которое настаивало на соблюдении союзнического договора с Австрией, явилась следствием влияния на молодого монарха господина Рихарда Вагнера, немецкого подданного. Таким образом, интересы государства диктовали необходимость немедленного удаления из Мюнхена этого человека, который к тому же настроил против себя общественное мнение своим аморальным поведением. Но Его величество король до последней минуты защищал своего друга, не побоявшись поставить себя самого в смешное и двусмысленное положение.

---

¹ В фильме эта сцена была заменена показаниями Гольштейна.

[Сцена 29

Другой зал резиденции. Интерьер. День. Генерал заканчивает свои показания, и мы видим сидящих в ряд, как в суде присяжных, королеву-мать, ее племянника принца Карла, Пфистермайстера, отца Хоффмана, Пфюрдена, начальника полиции Пфеффера, Лутца.

Бледный, потный, возбужденный Людвиг кричит:

Людвиг. Если бы Рихард Вагнер не был артистом, он был бы святым, его талант — от Бога! Его искусство не для услаждения уха и глаз, оно очищает и возвышает душу, это противоядие против испорченности и развращенности нашего века.

С обвиняющим жестом Людвиг обращается к отцу Хоффману.

Людвиг. Музыка, которую Вагнер приносит на алтарь искусства, — ваша музыка. Только вашу музыку творят жалкие посредники, тогда как устами Вагнера говорит сам Создатель. Вы не умеете видеть величие художника, но от вас не укроется ни одна самая ничтожная человеческая слабость. От ваших дел не останется ничего, кроме трупов на поле брани... а творения Вагнера будут жить в веках, потому что искусство — это и есть вечная истина и после художника остаются не его ошибки и слабости, которые вас шокируют, но его шедевры...

Людвиг волнуется, он совершенно мокрый от пота и возбуждается все сильнее.

...Если Вагнеру придется покинуть Баварию, я уеду вместе с ним.

Сказав это, Людвиг поворачивается спиной к высокому собранию.

Его лицо искажает судорога.

Пфистермайстер (*вполголоса*). Это будет еще одно злодеяние на совести Вагнера.

И тогда выступает принц Карл.

Принц. У баварцев были все основания считать, что вы поставили интересы Вагнера превыше интересов государства, и это накануне войны!

Людвиг тяжело вздыхает. Он растерян. Теперь к Людвигу потечески обращается иезуит. В глазах Людвига появляется выражение надежды.

Отец Хоффман. Наш спор зашел слишком далеко, страсти накалились, и сейчас мы уже не в состоянии рассуждать спокойно. Я думаю, что отъезд маэстро из Мюнхена — необходимая мера предосторожности, которая всем пойдет только на пользу. И Вашему величеству, и Вагнеру. Через пару месяцев тучи рассеются...

Голос генерала за кадром. Но в конце концов он сдался. И в этом я также вижу проявление неуравновешенности его психики.]

Сцена 30

Салон в доме Вагнера. Байерштрассе. Интерьер. День. Министр Лутц, обращаясь к Вагнеру, Козиме и фон Бюлову.

Лутц. Я имею поручение от Его величества короля передать вам его приказ срочно покинуть Мюнхен.

Все трое стоят как громом пораженные. Глаза Лутца горят злорадством.

Лутц. Вот послание от Его величества.

Лутц не торопится уходить. Кажется, он хочет до самого конца насладиться зрелищем их унижения. Вагнер вскрывает письмо.

Голос Людвига за кадром (*тихий, печальный, подавленный*). «Дорогой друг, как это ни тяжело для меня, я вынужден просить Вас подчиниться указаниям министра Лутца. Моя любовь к Вам навсегда останется неизменной, и я заклинаю Вас, несмотря ни на что, тоже сохранить ко мне дружеские чувства. Я не мог поступить иначе. Вечно Ваш, Людвиг».

[Сцена 31

В доме Вагнера. Байерштрассе. Ночь перед рассветом. Интерьер. Натура. В сопровождении слуги Франца и старого больного пса Вагнер покидает Мюнхен. Козима провожает его до самых дверей.

Любовники долго стоят обнявшись.

Вагнер. Ни слова!

И Маэстро, который в эти предрассветные часы кажется мертвенно-бледным и внезапно состарившимся, торопливо спускается вниз по лестнице. Козима с трудом сдерживает слезы.]

Сцена 32

Замок Берг. Натура. День. Группа офицеров генерального штаба ожидает в саду замка. Они в парадной форме, почти все пожилые, в летах. Единственный среди них молодой человек — Отто, брат Людвига, который в своем генеральском мундире больше похож на мальчишку, надевшего маскарадный костюм. К ним приближается граф фон Гольштейн.

Фон Гольштейн. Его величество в отъезде, и неизвестно, вернется ли он этой ночью.

Среди военных явное замешательство. Старый генерал выражает недовольство.

Генерал. Его величество заверил, что примет нас. Мы прибыли из Мюнхена.

Гольштейн молча пожимает плечами. Военные вполголоса переговариваются. К Отто подходит Фольк.

Фольк. Если Ваше высочество желает отдохнуть...

Гольштейн показывает рукой в сторону замка.

Фон Гольштейн. Ваше высочество ждут в замке...

Гольштейн провожает принца, в то время как генералы с осуждением смотрят им вслед.

Сцена 33

Комната в замке Берг. Интерьер. День. Комната, в которую Гольштейн вводит принца Отто, залита голубым светом от искусственной луны, подвешенной к потолку. Людвиг возится с музыкальной шкатулкой, которая исполняет прелюдию из «Лоэнгина». Говорит, не оборачиваясь к вошедшему брату.

Людвиг. Ну что, они обиделись?

Голос Отто за кадром. Они остались ждать меня. Они думают, что тебя нет.

Людвиг останавливает шкатулку, оборачивается. Идет навстречу к брату и обнимает его.

Людвиг. Пусть подождут.

Отто. Сегодня вечером мы возвращаемся в Мюнхен. А завтра я должен вернуться на фронт...

Людвиг. Тебе это очень тяжело?

Отто. Мне тяжело переносить грязь, запах. Тяжело слышать, как кричат солдаты, когда их оперируют без хлороформа.

Людвиг заводит механизм: луна гаснет, и в противоположном углу комнаты загорается полумесяц.

Людвиг. Чего они хотят от меня на этот раз?

Отто. Чтобы ты вернулся в Мюнхен. Ты — король. Мы проигрываем войну, Людвиг.

Людвиг показывает ему луну на потолке.

Людвиг. Смотри, полнолуние. Как в детстве, когда мы ходили удить рыбу ночью...

Отто. И ты страшно сердился, когда мне везло больше, чем тебе...

Людвиг. Потому что я — король.

Людвиг снова показывает ему луну на потолке.

Людвиг. Я не хотел этой войны, Отто. И хочу, чтобы все это знали. Чтобы поняли.

Отто поднимает глаза, но тут же прикрывает их, как человек, которого раздражает свет. Устало, через силу, улыбается брату.

Отто. Да, я знаю.

Людвиг (*встревоженно*). Что с тобой?

Отто. Режет глаза. Наверно, потому, что я совсем не могу спать. И даже когда я сплю, мне снится, что я не могу заснуть... не могу закрыть глаза... так и живу между сном и явью... грежу с открытыми глазами...

Людвиг (*с нежностью*). Ты плохо выглядишь. Оставайся здесь, в Берге, со мной.

Отто. Я не могу. Ты же знаешь. Я должен вернуться. Это было бы бесчестно. И по отношению к нашим союзникам. (*С иронической улыбкой.*) Тем более что они наши родственники.

Людвиг (*запальчиво*). Наши враги пруссаки — тоже наши родственники. Мы все совершаем в узком семейном кругу: воюем, женимся, рожаем детей, занимаемся братоубийством и инцестами. И даже не знаем зачем. Может быть, только Бисмарк и знает. Великая единая Германия. Он сумеет добиться своего. Но это будет большой ошибкой.

Отто. Ты — король (*По-детски наивно.*) И если ты не хочешь войны, то можешь запретить ее...

Людвиг. Я не мог сделать больше того, что сделал и продолжаю делать, высказывая свое мнение. Для меня этой войны как бы нет. (*Раздраженно.*) Возвращайся на фронт. И если генералы будут тебя спрашивать, отвечай: король не знает, что идет война.

Людвиг снова приводит в действие театральную машину. На потолке появляется небо с облаками. Облака движутся, как будто гонимые ветром.

Сцена 34

Парк в замке Берг. Натура. Ночь. То же самое облачное небо и лунная ночь. За деревьями парка призрачно белеют башни замка Берг. Тишина. Людвиг идет по тропинке, которая, петляя среди деревьев, спускается к озеру. Достигнув берега, он останавливается и смотрит на темную воду, которая слабо плещется среди зарослей камыша. Он продолжает свою прогулку вдоль берега, выйдя из-под деревьев на открытое пространство. Неожиданно его внимание привлекает более громкий плеск воды. Он останавливается, всматриваясь в темноту, и в нескольких метрах от берега видит купающегося человека. Людвиг подходит к воде совсем близко, так что легкие приливы волны докатываются до самых его сапог.

Людвиг. Кто там? Кто это?

Купающийся вздрагивает от страха, ясно, что он не видел и не слышал, как подошел король, но узнал его по голосу. Он встает в воде, которая доходит ему до пояса. Это Фольк.

Фольк. Это я, Ваше величество... Фольк.

Людвиг всматривается в обнаженную фигуру, которая как какое-то водяное чудовище смутно белеет во мраке ночи.

Людвиг. Почему ты не в замке?! Кто тебе разрешил выйти?

Фольк. Я думал, что больше не понадобится Вашему величеству...

Людвиг. Ты разве не знаешь, что прислуге не положено выходить без разрешения?

Фольк напуган словами короля.

Фольк. Да, Ваше величество...

Людвиг. И, несмотря на это, ты ушел, чтобы искупаться...

Фольк робко оправдывается.

Фольк. Я не мог заснуть...

Вдалеке слышно, как перекликаются часовые.

Людвиг. А ты не боишься, что тебя заметит патруль?

Фольк. Обычно я слышу заранее, когда они подходят.

И прячусь в камышах.

Людвиг улыбается.

Людвиг. Я должен был бы отдать тебя под стражу...

[Но уже ясно, что король решил простить слуге его отсутствие. Он расстегивает плащ и садится на траву.]

Людвиг. Помоги мне снять сапоги...

Фольк выходит из воды, голый и скользкий, как червяк. Людвиг протягивает ему ногу, и слуга стаскивает с нее сапог. Опершись на локти, Людвиг пристально смотрит на него, в то время как несколько сконфуженный Фольк ждет, когда король протянет ему вторую ногу. Но Людвиг не двигается.

Людвиг. Ты умеешь плавать?

Фольк. Плохо. Плаваю только там, где достаю до дна.

Людвиг медленно протягивает ему вторую ногу. Как только Фольк снимает сапог, Людвиг встает и сбрасывает плащ, который Фольк едва успевает подхватить. Спустя минуту Людвиг тоже разделет и входит в воду.

Людвиг. Иди сюда...

Фольк неуверенно входит в воду. В несколько бросков Людвиг доплывает до глубокого места, где едва достает до дна. И делает знак Фольку плыть к нему.

Людвиг. Давай...

Фольк. Я очень плохо плаваю, Ваше величество.

Людвиг. Не бойся... Держись за мое плечо...

Людвиг выше Фолька. Он еще касается дна там, где Фольк уже не достает. Людвиг поддерживает его за плечи, медленно и осторожно ведет вперед. Постепенно Фольк успокаивается и перестает сопротивляться.

Людвиг. Вот так...

Очень медленно Людвиг отнимает руку. Перепуганный Фольк цепляется за него, бестолково машет руками. Людвиг смеется.

Людвиг. Боишься?

В страхе Фольк еще крепче цепляется за короля, который продолжает смеяться. Но вдруг умолкает. Фольк перестает барахтаться и стоит неподвижно, обхватив Людвиг за плечи, прижавшись к нему. Внезапно Людвиг грубо его отталкивает.

Людвиг. Отпусти меня, отпусти меня, я тебе сказал!

Людвиг насильно сбрасывает с себя руки Фолька и, больше не заботясь о нем, плывет к берегу. И, только выходя из воды, оглядывается, задыхаясь. Слуга машет руками и скрывается под водой.

Фольк. На помощь...

Но Людвиг неподвижно стоит на берегу и не думая спасать его. В его глазах гнев и ненависть. С помощью нескольких неуклюжих бросков Фольку все-таки удается добраться до более мелкого места. Совершенно обессиленный, кашляя, задыхаясь и сплевывая воду, он выходит на берег. Забрав свои вещи, Людвиг скрывается в лесу.]

Сцена 35

Показания Фолька.

Фольк. Он жил в замке Берг в полном уединении... Выходил очень редко — на Остров Роз или в горы. Почти всегда его сопровождал я. Однажды он вдруг без всяких к тому причин ударил меня...

[Сцена 36

С искаженным, пылающим от гнева лицом Людвиг избивает Фолька хлыстом. Матросы с «Тристана», стоящего у пристани, с ужасом наблюдают эту сцену, не решаясь вмешаться. На помощь упавшему Фольку приходит кучер, помогая ему подняться.

Людвиг. Кто приказал этому человеку ходить за мной?

Кучер (*испуганный яростью короля*). Не знаю, Ваше величество обычно...

Людвиг перебивает его, задыхаясь от гнева.

Людвиг. Вы должны ждать моих приказаний. И ты, и он. Не вам решать, кому сопровождать меня.

Фольк поднимается, отряхивая пыль. Людвиг подходит к трапу, собираясь взойти на корабль.

Людвиг (*кучеру*). А теперь пришли мне кого-нибудь... Кого-нибудь другого... Быстрее... и чтобы этот больше не путался у меня под ногами...

Кучер убегает, а Людвиг всходит на палубу «Тристана». Серое небо обложено тучами. Вдали слышны раскаты грома.]

[Сцена 37

Остров Роз. Натура. Ночь. Людвиг на Острове Роз. Он сходит на берег и идет в сторону виллы, скрытой среди деревьев.]

Сцена 38

Вилла на Острове Роз. Интерьер. Ночь. Людвиг, не зажигая света, на ощупь пробирается к висящему на стене распятию. Бросается на колени и бьет себя кулаками в грудь.

Людвиг. Помоги мне, прошу тебя... прошу, помоги, сжалось... Я хочу устоять...

Людвиг продолжает бить себя кулаками в грудь. Его молитва становится все тише, он молится про себя, одними губами. Комната постепенно светлеет, в нее проникают первые лучи рассвета. Людвиг распростерт на полу. Он спит. Медленно открывает глаза.

Снаружи раздаются голоса и шум шагов.

Голос (*за кадром*). Капитан Дуркхейм просит аудиенции у Его величества...

Голос (*за кадром*). По чрезвычайно важному и срочному делу. Людвиг медленно приподнимается, он еще не совсем пришел в себя и стоит на коленях, когда Дуркхейм входит в комнату. Людвиг встает. Смотрит на Дуркхейма и видит его измученное лицо, обведенные черными кругами глаза, давно не стриженную бороду.

Дуркхейм. Мы проиграли войну, Ваше величество. Мы сдались.

Людвиг молчит. Проводит рукой по лбу и волосам. Новость, которую сообщил ему Дуркхейм, вопреки его воле производит на него впечатление.

Людвиг. Потери большие?

Дуркхейм. Потери небольшие. Противник значительно превосходит нас числом. Войско деморализовано. Продолжать воевать дальше в этих условиях было бы бессмысленной бойней.

Людвиг предлагает Дуркхейму сесть, но Дуркхейм остается стоять. Людвиг падает в глубокое кресло, потирает руки, как будто пытаясь согреться, неподвижно смотрит перед собой.

Людвиг. Я рад, что это кончилось. И продолжалось так недолго.

Дуркхейм. Пять недель, Ваше величество. Но тем, кто это пережил, они показались вечностью.

Людвиг. А что мой брат Отто?

Дуркхейм. Он вернулся в Мюнхен. И был очень подавлен...

Людвиг (*очень тихо, все так же неподвижно глядя прямо перед собой*). Вы все очень любите моего брата Отто, не так ли, Дуркхейм?

Дуркхейм. Да, Ваше величество. Очень.

Людвиг. Отто будет вашим королем, этот день наступит скоро. Потому что я...

Людвиг умолкает. Дуркхейм смотрит на него. Взгляд Людвиг по-прежнему устремлен вперед. Дуркхейм медленно опускается в кресло напротив Людвиг. Начинает говорить тихим, проникновенным голосом.

Дуркхейм. Его высочество принц Отто очень несчастлив. Такой юный, он как будто уже прожег свою жизнь, так и не успев пожить по-настоящему. Все его мечты, юношеские надежды с самого начала были отравлены разочарованием и сомнениями... и это повергло его в бездну печали и страха.

Дуркхейм продолжает так же пристально смотреть на Людвиг, и становится все очевиднее, что, говоря об Отто, он имеет в виду именно Людвиг.

Дуркхейм. Он живет в мучительном одиночестве. Спит не больше двух часов в сутки. Совершенно не умеет отдыхать. Счастье он ищет в несбыточном, а опору в необычном...

Людвиг (*с вызовом*). А почему бы и нет? Окружающий мир омерзительно мелок. Люди мечтают только о материальном благополучии и готовы добиваться его всю свою жизнь. Я же хочу быть свободным. Мечтать о невозможном. Но в отличие от моего брата я пытаюсь и поступать так, как думаю. Поэтому я отстранился от этой идиотской войны, которую не сумел предотвратить. Я не трус и не негодаю... Я ненавижу ложь и хочу жить честно...

Внезапно обрывает себя на полуслове, как бы устыдившись наивности своего порыва.

Дуркхейм (*очень спокойно*). Простите меня, Ваше величество.

Позвольте человеку скромных умственных способностей выразить свое мнение. Вы сказали, что хотите жить честно. Думаю, что под этим вы подразумеваете, что хотите жить как свободный человек, в соответствии со своими желаниями и вкусами, без ханжества и лжи. Не так ли? Но, по-моему, честность не имеет ничего общего с той свободой, о которой вы говорили.

Людвиг собирался что-то возразить, но передумал.

...Свобода... невозможного. Страшная свобода, о которой вы говорите, — это склон, по которому легче сойти вниз, чем подняться наверх. Вступив на этот путь, покатишься вниз до конца. Назад возврата нет. Все мы не без греха, не нам осуждать других. Я... просто изливаю душу другу. Расположение, которое Ваше величество выказывали мне, когда мы оба были моложе, дает мне смелость говорить откровенно, как мужчина с мужчиной. Я солдат, оставшийся один на поле боя в самый страшный, решающий момент сражения, но я не питаю ни обиды, ни ненависти к своему суверену, который бросил меня на произвол судьбы. Только бесконечное сострадание. Мой государь полагает, будто сделал смелый выбор, и тешит себя иллюзией найти счастье вне тесных рамок долга. Тот, кто по-настоящему любит жизнь, Ваше величество, должен прожить ее с максимальным благоразумием. В том числе и монарх. Власть всегда ограничена рамками человеческого общества, к которому и он принадлежит. Кто может последовать за ним за пределы этих границ? Уж конечно, не те жалкие людишки, погрязшие в поисках материальной и нравственной опоры своего существования, о которых вы говорили с таким презрением. И что же? За вами пойдут те, кто эту идеальную свободу понимает как свободу разврата. Самые гнусные плебеи и подонки, самые растленные мерзавцы. Возможно ли, чтобы молодой человек, впереди у которого вся жизнь, не попытался найти для себя иной смысл существования? Может быть, такая жизнь покажется ему скучной и утомительной, как у большинства людей, слишком обыкновенной. Я знаю, как тяжело примириться с обыденностью и посредственностью тому, кто стремится к высоким идеалам. Знаю, какое для этого нужно мужество. Но только так он может спастись от постыдного одиночества...

Дуркхейм нервно ломает руки, отводит глаза. Все так же неподвижно глядя прямо перед собой, Людвиг начинает беззвучно плакать.

[Сцена 39

Предшествуемая верховым, под эскортом двух всадников, карета Людвига мчится во тьме ночи по проселочной дороге: возникший нахлестывает лошадей, которые и так несутся бешеным галопом.]

Сцена 40

Натура. Нимфенбург. Рассвет. Карета несется во весь опор. Возни-чий осаживает лошадей у самых ступеней лестницы, ведущей в замо-к. Слуга едва успевает откинуть подножку, как король, распах-нув дверцу, стремительно соскакивает на землю. Бежит по лестни-це, перепрыгивая через несколько ступенек.

Сцена 41

Резиденция. Интерьер. Рассвет. Людвиг пересекает огромный вест-гибюль, пустой и слабо освещенный. Сопровождающий его слуга распахивает створки последней двери, и полусонная камеристка вскакивает с дивана при его появлении. Смущенная женщина при-седает в глубоком поклоне.

Людвиг. Мне нужно поговорить с матерью.

Камеристка все больше теряется.

Камеристка. Ее величество еще отдыхает.

Людвиг. Так разбудите ее! Чего вы ждете?

Камеристка выбегает в соседнюю комнату. Людвиг подходит к окну и выглядывает в сад, где его ждет карета. Слышит голос ка-меристки.

Камеристка. Ее величество королева ожидает Его величе-ство.

Камеристка склоняется в реверансе, и король проходит мимо нее.

Сцена 42

Спальня королевы. Интерьер. Рассвет. Королева сидит в постели, плечи прикрыты шалью, на голове — ночной чепец. Удивленная и встревоженная этим неожиданным визитом, она вопросительно смотрит на сына, который, войдя в комнату, останавливается в но-гах постели.

Людвиг. Прошу прощения за то, что разбудил вас в такой ранний час, но речь идет о событии, которое я должен сообщить вам немедленно: я решил жениться.

Выражение изумления на лице королевы сменяется радостью. В полном восторге она протягивает к сыну руки, как бы приглашая его прийти в ее объятия.

Королева. Людвиг!

Но Людвиг остается неподвижен.

Людвиг. Я знал, что вам это известие доставит удовольствие...

Королева так и остается с протянутыми руками. Людвиг холодно смотрит на мать.

Людвиг. Вы даже не спрашиваете, кто моя избранница? Ледяной взгляд сына предписывает королеве держаться официального тона.

Королева. Я ожидала, что Ваше величество соизволит сообщить сам. Я полностью доверяю вкусу Вашего величества.

Людвиг отходит от кровати и поворачивается спиной к матери, которая с волнением ждет ответа. Ощущение такое, что Людвиг делает над собой усилие.

Людвиг. Я прошу вас немедленно отправиться в Поссенхофен. Просить у герцогини Людвиги руки принцессы Софьи.

Лицо королевы вновь озаряется радостью.

Королева. Вы с Софьей будете идеальной парой.

Но Людвиг нетерпеливо перебивает ее, он торопится уйти.

Людвиг. Я просил предупредить отца Хоффмана, чтобы он пришел к вам. Прошу вас принять его немедленно. Я хочу, чтобы вы сообщили ему мое решение... и чтобы он сопровождал вас в Поссенхофен, что естественно, так как Софья— католичка...

Королева собирается что-то сказать, но Людвиг уже стремительно выходит из комнаты. Какое-то мгновение королева продолжает завороченно смотреть ему вслед, затем энергично дергает шнурок звонка и встает с кровати. Камеристка, которая провожала Людвигу, возвращается бегом... на ходу хватая халат и торопится помочь королеве натянуть его... королева вырывает халат у нее из рук и, суетясь, пытается надеть его сама...

Королева. Предупреди, чтобы, как только придет отец Хоффман, его сразу провели ко мне.

Понимая, что происходит что-то чрезвычайно важное, камеристка снова убегает. Тем временем королева надевает халат, тапочки...

Голос камеристки за кадром. Достопочтенный отец Хоффман уже здесь...

Королева торопливо бросается в соседнюю комнату и чуть не сталкивается с отцом Хоффманом, который как раз в этот момент стремительно входит в дверь.

Отец Хоффман. Ваше величество... Что случилось?

Королева. Вы видели моего сына?

Отец Хоффман. Да. Только что, когда он выходил отсюда. Но он не сказал ни слова... и показался мне очень...

Королева. ...счастливым. Он обезумел от радости.

Отец Хоффман смотрит на королеву так, как будто заподозрил, что она внезапно повредила в уме. А королева в восторге от того, что может сообщить эту новость первой.

Королева. Людвиг женится. Он просил, чтобы я сообщила вам об этом, и хочет, чтобы вы поехали со мной просить руки девушки. И это правильно, ведь принцесса католичка и сватовства матери-протестантки недостаточно.

Отец Хоффман (*потрясен*). Женится?

Королева. На Софье... сестре Елизаветы Австрийской. Разве это не поразительная новость? О святой отец, святой отец... мне кажется, что только сейчас я наконец-то избавилась от кошмара. (*С утреком.*) Который вы, по правде сказать, даже не пытались развеять.

Отец Хоффман (*все так же неуверенно*). Конечно, это большая радость... Надеюсь, что Его величество хорошо обдумал свое решение... Многим молодым людям трудно разобраться в самих себе, обрести душевное равновесие...

Королева (*поспешно*). А он разобрался... главное, что ему это удалось и он женится.

Отец Хоффман (*все так же растерянно*). Меня удивляет, что Его величество не сообщил мне о своем решении... Все-таки очень важно, чтобы он хорошо взвесил шаг, который собирается совершить, потому что он решает не только за себя, но и за свою избранницу, которая с благословения Господа...

Королева (*все более нетерпеливо*). Святой отец! Важно, чтобы они поженились, и как можно скорее. Ведь именно об этом мы все мечтали, не так ли?

Отец Хоффман. Ах да, да. Это огромная радость для всех нас... и для народа... И вот еще что: надо получить разрешение Папы, учитывая близость родственных отношений, которые связывают жениха и невесту.

Королева. Конечно, конечно. Но здесь никаких препятствий не будет. Их родители тоже были кузенами.

Отец Хоффман. Но ведь именно в этом усматривают причину того, что в роду Виттельсбахов, так же как в роду Гогенцоллернов, случались трагедии: неизлечимые болезни, аномалии... Правда, насколько мне известно, юная Софья отличается отменным здоровьем и здоровье Его величества короля также никогда не давало повода для беспокойства...

Впечатление такое, будто этими доводами отец Хоффман пытается убедить самого себя в том, что женитьба Людвиг и в самом деле благо.

Отец Хоффман. Надо было бы предупредить ее о чрезмерной застенчивости Его величества... болезненном самолюбии. Чтобы Софья лучше понимала его, была терпимой. Тогда она сможет ему помочь.

Королева (*решительно прервав его*). Так же как ее сестрам, императрице Австрии и королеве обеих Сицилий, Софье придется узнать, что у женщин ее ранга, кроме привилегий и прав, есть еще и обязанности.

Сцена 43

Салон резиденции. Интерьер. Вечер. С горящими глазами, дрожа от волнения, Софья поднимается с дивана, на котором только что сидела. Рядом с ней ее родители — герцог и герцогиня, братья и сестры. На мгновение камера задерживается на лице Софьи. Улыбка, только что освещавшая его, внезапно гаснет. Но и мимолетная тень беспокойства, неожиданно омрачившая ее лицо, также быстро исчезает. Теперь прямо напротив Софьи мы видим группу, в центре которой стоит Людвиг в окружении королевы-матери, брата Отто, принца Карла и отца Хоффмана. Людвиг смотрит на Софью без улыбки, приветствует ее подчеркнуто официальным, коротким кивком головы. Отто смотрит на брата, на мать, на отца Хоффмана. И вдруг в детском порыве, как будто решив растопить зону холода, разделяющую две семьи, он бросается к удивленной Софье, порывисто обнимает и целует в щеку, рискуя разрушить ее сложную прическу.

Отто (*говорит, сильно покраснев и слишком громко*). Поздравляю. Я... я... очень рад.

Все так же, глядя только на Людвигу, Софья смущенно улыбается, но она благодарна кузену за то, что он разрядил обстановку. Людвиг стоит неподвижно, в полном оцепенении и вдруг порывисто оборачивается, услышав хорошо знакомый голос.

Голос Елизаветы (*за кадром*). Bravo, Отто. Ты мил, как всегда...

Все присутствующие оборачиваются на этот голос в сторону двери. В дорожном костюме, непринужденно улыбаясь, входит Елизавета.

Софья. Елизавета...

Софья уже бежит навстречу сестре и бросается к ней на шею. Обняв Софью за талию, Елизавета с улыбкой здоровается с родителями, кивком головы приветствует мать Людвигу. Протягивает руку

Людвигу и, шутливо подмигнув Отто, говорит.

Елизавета. Я тоже очень рада. Поздравляю... кузен.

Все так же, обнимая за талию Софью, целует Людвигу в щеку.

Елизавета. На улице настоящее ликование. Вокзал как игрушка. Весь увешан разноцветными знаменами.

Елизавета отходит от Софьи, оставив ее с женихом, и приближается к группе родственников.

Елизавета. Наверно, вы уже не надеялись, что я приеду? Я тоже. Как всегда, все так сложно...

Софья, как будто заразившись непринужденностью сестры, берет Людвига за руку. Так они и стоят, как два школьника, взявшись за руки, не глядя друг на друга и не вписываясь ни в одну из групп, которые объединяет только присутствие Елизаветы.

Елизавета (*обращаясь к матери Людвига*). Тетя, мне сказали, будто вы собираетесь заново отстраивать резиденцию. Значит, старая резиденция тоже обновляется. (*Оборачивается к жениху и невесте.*) Кто этим займется? Софья, вот увидите! Софья не то что я. Я... Я могу только сказать, нравится мне или не нравится, после того, как все уже сделано. А вот она... кстати, моя комната... моя новая «гостевая» комната... ни одна комната в мире не нравится мне так, как эта... и все благодаря Софье... ведь так? О, да! Мне обязательно надо выпить чего-нибудь горячего... Мы уже можем садиться, мама? Елизавета оглядывается в сторону слуг, которые расставляют на столе приборы и графины. Потом оборачивается к матери, как бы призывая ее разрушить эту атмосферу неловкости.

Мать Елизаветы делает знак матери Людвига занять почетное место на одном из диванов. Все, за исключением Софьи и Людвига, начинают рассаживаться, а Елизавета пересекает зал и подходит к столу, на котором слуги готовят чай, кофе, шоколад.

Елизавета. Простите, но мне действительно нужно согреться... (*Официанту.*) Оставьте. Я сама...

Людвиг, резко вырвав свою руку из руки Софьи, подходит к Елизавете.

Людвиг (*как бы продолжая прерванный разговор*). Мы не собираемся жить в резиденции...

Елизавета оборачивается к Людвигу, несколько удивленная его тоном.

Елизавета. Нет?

Людвиг (*смушенно*). Ну, не то чтобы совсем не будем... Но недолго. Во всяком случае, как можно меньше... Пока не будет готов новый дом.

Елизавета, оглянувшись на Софью, которая так и осталась стоять одна посреди зала, и желая втянуть ее в разговор, говорит громко и немного наигранно, как все ее поведение с момента приезда.

Елизавета. Да? Я не знала... Софья...

Софья с благодарностью направляется к сестре, но ее останавливает будущая свекровь, приглашая сесть рядом с собой.

Мать Софьи. Софья...

Какое-то мгновение Софья стоит в нерешительности, но потом, вежливо улыбаясь, послушно занимает место, предписанное ей этикетом.

Людвиг (*торопливо, понизив голос*). Я уже давно об этом думаю. Хочу построить новый замок... Помнишь долину Линдерхоф? Обераммергау... И есть еще одно место, которое тоже очень мне нравится. Может быть, даже больше, чем это. Герренгимзее. Но я еще не решил. Мы могли бы поехать туда завтра вместе, верхом... Как в Бад-Ишле, помнишь? Счастливые дни в Бад-Ишле... (*Взяв себя в руки.*) Это недалеко... Ты дашь мне совет...

Избегая его взгляда, встревоженная Елизавета отходит к гостям.

Елизавета. Завтра меня здесь уже не будет, к сожалению... Я еду в Цюрих.

Елизавета садится.

Елизавета. Я заехала только для того, чтобы передать вам обоим поздравления от Франца и мои, разумеется...

Людвиг вновь впадает в оцепенение. Растеряв всю свою живость, он машинально идет к столу и чопорно-отрешенный садится рядом с матерью Софьи, глядя прямо перед собой отсутствующим взглядом.

[Сцена 44

Фотостудия. Интерьер. День. Софья и Людвиг позируют придворному фотографу. Вспышка магния освещает неподвижные фигуры жениха и невесты.]

Сцена 45

Салон в Поссенхофене. Интерьер. Ночь. Сидя за пианино, Софья исполняет арию Эльзы из «Лоэнгрин». Сидя в кресле напротив, Людвиг слушает. Молодые люди одни, если не считать старой компаньонки, которая занимается вышиванием. Софья поет очень мило, но не профессионально. Людвиг отводит глаза от невесты. Блуждает взглядом по комнате. Постепенно на голос Софьи накладывается другой женский голос.

Голос Лилы Буловски (*за кадром*). Все было очень сложно...

Сцена 46

Спальня Людвига в резиденции. Интерьер. Ночь. Лила расстегивает пуговицы на куртке Людвига, обнимает его за шею, ласкает. Людвиг бледен, его смятенный, тоскующий взгляд прикован к потолку. Ласки женщины становятся все более страстными, интимными, Людвиг вздрагивает при каждом ее прикосновении; говорит с трудом.

Людвиг. У меня никогда не было женщин, Лила...

Лила нежно улыбается ему, давая понять, что это не имеет значения, и продолжает ласкать его, но король медленно отводит ее руку...

Они за столом, ужинают.

Лила. Меня предупреждали, Ваше величество... И надавали уйму советов...

Людвиг. Кто?

Лила. После того как ваш адъютант привез мне ваше приглашение на ужин, я сразу оказалась в центре внимания и почувствовала себя причастной к делу государственной важности. В закрытой карете с опущенными занавесками меня отвезли в какое-то казенное заведение с чиновниками, кабинетами...

Людвиг. И что же?

Он встает.

Лила. Там были какие-то важные господа. Один, как мне показалось, от архиепископа, а другой — от вашей августейшей матушки... Боже мой, ваше величество, неужели у королей такие сложности с любовью? Подумать только, ведь у нас, людей театра, это так просто... Только мигни...

С этими словами Лила отваживается на особенно смелую ласку, и король от неожиданности отшатывается в сторону. Лила весело хохочет.

Лила. Это они мне тоже сказали — что вы очень застенчивый... А потом задали множество вопросов. В том числе и о моем здоровье.

Людвиг. Правда?

Лила. Неприличных. А под конец посоветовали держать язык за зубами. Не с ними, разумеется. Они хотят получить подробную информацию о том, как это все происходило.

Людвиг. И вы им расскажете?

Лила. Если бы вы разрешили, Ваше величество, я бы их с удовольствием надула. Они такие любопытные и бесцеремонные. Мы можем заняться любовью и сказать им, что ничего не было. Или наоборот, ничего не делать, а им нарасказать такого...

Людвиг улыбается. Ему явно нравится предложение актрисы.

Людвиг. Да. Мы не можем обмануть их ожиданий... Вы расскажете им такое, что они придут в ужас...

Лила. Например, что вы меня отколотили!

Людвиг безудержно хохочет. Он падает на кровать и катается среди подушек, заходясь от смеха. Лила смеется до слез и тоже бросается на кровать рядом с ним. Но Людвиг сразу встает.

Людвиг. А они нам поверят?

Лила. Ваше величество, не забывайте, что я — великая актриса...

Людвиг перестает смеяться и становится задумчивым. Они идут в бассейн. Людвиг толкает Буловски в воду.

[Сцена 47

Салон в резиденции. Интерьер. Ночь. Содержание шкатулок и коробочек с драгоценностями, стоящих на столе, напоминает о сокровищах из «Тысячи и одной ночи»: ожерелья, серьги, браслеты и самое ослепительное — корона.

Людвиг (*голос за кадром*). Эти драгоценности баварские королевы носят уже семьсот лет...

Медленно, одно за другим, руки Людвига надевают украшения на Софью, которая появляется в зеркале. Лицо девушки словно в обрамлении церковного оклада. Зрелище ослепительное, но нелепое. Напоследок Людвиг надевает ей на голову корону. Глаза Софьи наполняются слезами. Ее застывшее в зеркале изображение кажется идолом скорби и печали.

Людвиг. Но самый главный подарок, который я тебе приготовил, пока секрет, Софья... я познакомлю тебя с Рихардом Вагнером...]

Сцена 48

Салон резиденции. Интерьер. Ночь. Людвиг ходит взад и вперед по комнате с бокалом в руке. Он кажется очень возбужденным. Никто не решается его прервать. Вагнер, который сидит рядом с Софьей, слушает его с выражением удивления и беспокойства.

Как будто видит другого человека.

Людвиг. Наше обручение тяжелее любой военной кампании. Мы все время работаем: на балах, в церкви, в театре... Не так ли, Софья?.. Настоящая мука. Пытка, которую Софья переносит без единой жалобы. Она безупречная невеста. И очень любит вашу му-

зыку... (*Людвиг обращается к Вагнеру.*) Вы должны послушать, как она поет... Арию Эльзы... Знаете, Маэстро, чего она сейчас боится больше всего на свете? Что я попрошу ее спеть для вас...

Людвиг протягивает бокал Виланду. Слуга наполняет его до краев. ...Она боится вашего мнения. И не только как исполнительница, но и как невеста.

Софья смущенно опускает глаза.

...Она вбила себе в голову, что, знакомя вас с ней, я будто бы подвергаю ее проверке, жду вашего одобрения. Ну, не нелепо ли?

Вагнер молча смотрит на него. Затем оборачивается к девушке. Софья чувствует его взгляд, но стоит потупившись, не поднимая глаз.

На ее лице выражение бесконечной муки.

[Сцена 49

Сад резиденции. Интерьер. Натура. Ночь. Людвиг провожает Вагнера к карете. Возбуждение, владевшее им все это время, внезапно прошло. Он кажется обессиленным и опустошенным. Остановившись под портиком в самом начале широкой парадной лестницы, Людвиг смотрит на моросящий дождь, на слуг, которые, вооружившись зонтиками, ждут в отдалении, чтобы проводить Вагнера к карете.

Людвиг (*тихо, не глядя на Вагнера*). Когда вы вернетесь?

Вагнер. Скоро, Ваше величество. И не ночью, не тайком. Я вернусь вместе со своей женой и с новой оперой для нового театра.

Людвиг. Это вознаградит меня за все мои страдания. И за одиночество.

Вагнер. Софья очень мила... нежная... ласковая.

Людвиг оборачивается. Кажется, что слова Вагнера оставляют его совершенно равнодушным. Музыкант подходит к нему, многозначительно смотрит в глаза.

Вагнер. Впервые я прочел в чьих-то глазах любовь к Вашему величеству.

Людвиг выдерживает взгляд Вагнера, отходит, но снова возвращается.

Людвиг. Я решил отложить день свадьбы... На месяц... Может быть, на два...

Вагнер хмурится, молчит. Как будто оправдываясь, Людвиг начинает говорить очень быстро, почти вздохом, внезапно умолкая и вновь продолжая говорить с той же торопливостью.

...Я хотел бы, чтобы день нашей свадьбы был уже позади. Мне

кажется, что я слышу крики толпы. Все эти банкеты, церемонии, здесь и в церкви... Это наваждение, кошмар, от которого я просыпаюсь по ночам... Все эти дяди и тети, кузены и кузины со всей Европы... пожатия рук, поздравления, объятия...

Вагнер. Но ведь всего один день, Ваше величество...

Вагнер говорит с ним очень мягко, с отеческими интонациями.

...Но если дело не только в страхе перед несколькими утомительными часами, тягостными... но проходящими... Если вас мучит, что-то еще...

Людвиг порывисто оборачивается.

Вагнер. Мне вы можете рассказать все, Ваше величество. Моя любовь к вам осталась неизменной с того дня, когда вы призвали меня в Мюнхен, спасли от нищеты, приняли в свои объятия... Я этого не забыл... и сразу приехал, потому что понял, что я вам нужен. Надо уметь забывать обиды... Быть терпимым... можно предавать друзей, лгать им и продолжать их любить. Учитесь прощать. Уверен, никто не сумеет дать вам совет лучше, чем я. Потому что он будет рожден очень глубоким, очень искренним чувством...

Людвиг отворачивается, отходит от него и останавливается под портиком. Вагнер следует за ним.

Вагнер. Что тяготит вас, друг мой? Я многое понимаю. Но не могу говорить, пока вы сами не спросите...

Людвиг оборачивается и смотрит на него. Какое-то мгновение пребывает в нерешительности. Потом широкими шагами идет в сад, к карете. Сразу один из слуг бросается к нему с зонтиком. Вагнер медленно идет за ним, в сопровождении другого слуги с зонтиком.

Они останавливаются у кареты.

Людвиг (*не глядя на него, тихо*). Доброго пути...

Вагнер обнимает его. И долго не может расстаться. Уже поднявшись в карету, он сразу высовывается в окошечко, не обращая внимания на дождь, который течет по его лицу.

Людвиг. Прощайте...

Карета отъезжает, грохоча по гравию садовых дорожек.]

Сцена 50

Показания. Интерьер. День.

Хорниг. Двадцать лет я состою на службе у Его величества. Все эти годы я был верен ему, не собираюсь предавать его и теперь. К тому же мне нечего сказать, потому что Его величество никогда не совершал поступков, недостойных государя.

Сцена 51

Верхняя палуба шхуны «Тристан». Натура. Полдень. Моросящий дождь образует серый полог между «Тристаном» и берегом моря. В прорезь шатра Людвиг наблюдает за тем, как по мере приближения шхуны к берегу постепенно начинают проступать очертания Острова Роз. Маневрируя, «Тристан» взбивает черную гладь воды в белоснежную пену. Дымя трубой, шхуна медленно приближается к берегу, окончательно замедляет ход и, наконец, причаливает.

Как только Людвиг сходит на берег, к нему подбегает слуга, которого, вероятно, послали в самый последний момент. Это молодой человек лет двадцати, у которого прямо на лице написано, что он боится сделать что-нибудь не так. Юноша раскрыл зонт и пытается защитить короля от дождя. Но Людвиг убыстряет шаг, совершенно не беспокоясь о том, что может промокнуть. Он обгоняет своего провожатого и, стремительно взбежав по ступенькам, входит в дом.

Сцена 52

Вилла на Острове Роз. Интерьер. Вечер. Войдя, Людвиг сразу бросается к секретеру, где они с Елизаветой оставляют друг другу письма. Но ящик пуст. Достает сигнальный флажок и выходит на балкон, чтобы укрепить его. Замечает слугу, который так и остался на улице, под дождем, в ожидании дальнейших приказаний. Людвиг показывает ему вымпел.

Людвиг. Сможешь установить его?

Хорниг принимает флажок из рук Людвиг и, ловко нацепив его на шест, поднимает вверх. Людвиг с удивлением наблюдает за ним.

Людвиг. Ты очень проворный.

Хорниг торопится ответить, видно, что он очень боится своего собеседника и даже не осмеливается смотреть ему в глаза.

Хорниг. Я научился этому в армии, Ваше величество.

Людвиг. Я тебя раньше не видел...

Хорниг. Я всего несколько дней назад поступил на службу, Ваше величество.

Людвиг. А раньше ты чем занимался?

Хорниг. Работал в одном имении, смотрел за лошадьми.

Людвиг поворачивается, чтобы уйти в дом.

Людвиг. Разведи огонь...

Хорниг. Слушаюсь, Ваше величество...

Людвиг входит и садится у камина под широким окном. Сквозь

исполосованное дождем стекло сад едва различим, и теперь, когда наступаст вечер, он кажется темным, почти черным. Входит Хорниг с охапкой дров и хвороста. Присев на корточки, он возится у камина, закладывает в него поленья, и вот уже через минуту в камине потрескивает веселый огонь... Юноша поворачивается к Людвигу, может быть в надежде на похвалу, но король, который все это время наблюдал за ним, отводит глаза. Хорниг поднимается и остается стоять, как видно не собираясь уходить. Людвиг разговаривает с ним, глядя в огонь.

Людвиг. Чего ты ждешь?

Хорниг. У Вашего величества будут еще приказания?

Людвиг продолжает смотреть на пламя.

Людвиг. Спать будешь на улице. Под портиком...

Хорниг. Да, Ваше величество...

Шаги удаляющегося Хорнига, открывается и закрывается дверь. Теперь в комнате слышится лишь потрескивание горящих поленьев.

Сцена 53

Спальня Людвига в доме на Острове Роз. Интерьер. Ночь. Стоя на коленях у кровати, Людвиг молится при свете свечи.

Людвиг. Боже... Боже... Боже... помоги мне, Господи...

[Сцена 54

Портик Виллы Роз. Натура. Ночь. Хорниг, как сторожевой пес, спит, свернувшись калачиком, кое-как прикрытый одеялом.]

Сцена 55

Комната Елизаветы. Поссенхофен. Интерьер. День. Елизавета порывисто оборачивается. Выражение лица напряженное.

Елизавета. Эльза? О какой Эльзе ты говоришь? Кто это — Эльза?

Только теперь мы видим Софью, которая сидит в нескольких шагах от Елизаветы. Она бледна, под глазами черные круги, одета и причесана очень небрежно. Софья говорит тихим голосом, неподвижно глядя перед собой.

Софья (вяло). Это я. Людвигу не нравится даже мое имя. Он никогда не называет меня Софья. Эльза. С самого первого дня. Эльза. Как героиню «Лоэнгрин».

Елизавета с трудом пытается овладеть собой. Нервно смеется.

Елизавета (*с нервным смехом*). Какой влюбленный не придумывает ласковых прозвищ для своей невесты...

Софья (*вполголоса, горько*). Влюбленный...

Елизавета делает вид, что не слышит. Подходит к сестре.

Елизавета. То, что Людвиг немного экстравагантен, было известно давно...

Софья. Мама говорит, что у Людвиги гораздо меньше странностей и что его гораздо легче выносить, чем, например, нашего отца, который к тому же никогда не был королем. Мама все время мне это повторяет. Но ведь она... Она никогда не была влюблена в нашего отца. Поэтому ей было легче примириться с его странностями. А я...

По щекам Софьи текут слезы.

Софья. Я... я... люблю Людвиги. И страдаю от этого. Я не могу смириться с тем, что он так ко мне относится. Что он бросает меня одну на балу, который дают в нашу честь. Что он никогда не приглашает меня погулять... что он приходит ко мне все реже. И никогда не предупреждает заранее. И я все время сижу дома, боясь пропустить его визит. (*С трудом.*) А когда приходит, то едва здоровается. Ставит на пианино партитуру «Золота Рейна». Я играю, а он молча сидит, забывшись в самый темный угол комнаты. Часто он приходит по ночам. Когда все уже легли спать. Мама как-то попросила изменить часы этих импровизированных визитов. Хотя бы из-за прислуги. Но для Людвиги это послужило предлогом почти совсем прекратить их. Иногда он проходит ночью мимо наших ворот и оставляет для меня букетик цветов. Без записки... без ничего... Как будто я умерла. (*Больше не может сдерживать слезы.*) Я и есть мертвая. Я чувствовала себя мертвой и тогда, когда он хотел насильно представить меня Вагнеру. А все смотрели на меня как на мученицу... Без злобы... даже без любопытства... С жалостью. Только с жалостью.

Елизавета (*встрепенувшись*). Ты сама виновата! Зачем ты сидишь дома и ждешь его визитов как милости? Веди свой обычный образ жизни. Ходи в театр, если тебе хочется. На танцы. Выезжай. И не только для того, чтобы приехать поплакаться ко мне. Путешествуй, развлекайся. Пусть увидит, что ты от него не зависишь, что у тебя множество своих интересов... Это его привлечет. Заинтересуй его...

Неожиданно Софья вскакивает.

Софья (*повысив голос*). Я его совершенно не интересую! И ты это прекрасно знаешь. Потому что... (*Снова плачет.*) Потому что... почему ты не сказала мне, что он был влюблен в тебя? Что это ты... ты...

Разгневанная Елизавета хватает сестру за плечи. Впечатление тако-
е, что она хочет ее ударить.

Елизавета. Зачем ты это говоришь? Это неправда! Неправ-
да! Неправда!

Софья (*пытаясь вырваться*). Правда. Мне говорили. Да я и са-
ма поняла... слишком поздно, к сожалению. И если хочешь знать,
мне сказали, что и ты...

Елизавета. Кто? Кто? Замолчи, дура.

Елизавета отталкивает Софью. Опять огромным усилием воли пы-
тается овладеть собой. Проводит рукой по лбу. Смотрит на сестру,
которая плачет, скорчившись в углу. Подходит к ней. Насильно
поднимает ее голову. Нежно похлопывает по щеке. Приглаживает
растрепавшиеся волосы.

Елизавета. Выше голову... посмотри на меня... Не верь всем
этим глупостям... Не меня ты должна бояться. Ни меня, ни других
женщин. Людвиг... Опасность для Людвига... Это бывает с моло-
дыми людьми, ты не знала? Думаю, в юности это случается со все-
ми. Особенно с такими тонкими и впечатлительными натурами,
как Людвиг. Потом это проходит. Только надо уметь помочь. Я...
я люблю Людвига. Может быть, потому что мы похожи... не только
внешне... у него столько недостатков и достоинств... Он очень уяз-
вим. И ты можешь его спасти. Должна... Но надо быть сильной.
Всегда быть рядом с ним... Если он молчит, говори ты. Если он не-
внимателен к тебе, сделай вид, что ты сама им пренебрегаешь...
И больше никаких проволочек со свадьбой. Я скажу отцу, чтобы он
написал Людвигу и назначил день. Больше нельзя откладывать...

Сцена 56

Капелла в резиденции. Интерьер. День. Стоя на коленях перед от-
цом Хоффманом, Людвиг исповедуется.

Людвиг. Я не хочу жениться на Софье.

Отец Хоффман. Слишком поздно.

Людвиг. Нет, не поздно. Это будет не первая расстроившаяся
свадьба, и не последняя.

Они стоят друг против друга как два врага. Голос иезуита дрожит
от гнева.

Отец Хоффман. Король не должен давать повода для спле-
тен и пересудов... они не знают жалости.

Людвиг. И поэтому я должен быть безжалостен к Софье?

Отец Хоффман. Предоставь Господу заботу о ней.

Людвиг. Я обманываю ее.

Отец Хоффман. Ты всегда это знал.

Ответы иезуита суровы и точны, как будто заготовлены заранее. Людвиг делает нетерпеливое движение, как человек, который, чувствуя, что его прижали к стене, пытается вырваться.

Людвиг. Она выходит за меня не из тщеславия... Я не сразу это понял.

Отец Хоффман. Если Софья любит тебя, тем лучше.

Людвиг. Сегодня. Но она возненавидит меня. Как я возненавижу ее.

Людвиг встает. И больше ни разу на протяжении исповеди не преклоняет колен.

Отец Хоффман. Откуда у тебя такая гордыня? Откуда ты знаешь, какую судьбу уготовил тебе Господь? Сегодня от тебя требуется только одно: жениться и иметь наследников. (*Голос иезуита становится елевым.*) Послушай меня, Людвиг... Надо уметь бороться с искушениями, которые посылает нам Сатана, чтобы досадить Господу. И обращать их во славу Господа. Во тьме ночи, во власти греховных наваждений ты поймешь, что тепло одного тела такое же, как тепло другого...

Голос Людвига дрожит от гнева.

Людвиг. Святой отец, вы учите меня чему-то новому.

Отец Хоффман. Для своих подданных ты должен быть одним из них. Более могущественным, избранным, помазанником божьим, но одним из них. Если ты захочешь быть другим, они тебе этого не простят... Вагнера изгнали из Мюнхена, потому что он гений. И в этом смысле он для них чужак, иностранец. Другой. Людвиг, ты избран Господом потому, что больше других подвержен пороку, и следовательно, больше других можешь доказать ему свою любовь, поборов искушение. Я знаю, что до сегодняшнего дня ты находил в себе силы сопротивляться...

Людвиг колеблется какое-то мгновение, прежде чем ответить.

Людвиг. Да...

Пристальный взгляд отца Хоффмана, кажется, проникает в самую его душу.

Отец Хоффман. И я хочу знать, так ли это все еще...

[Сцена 57

Остров Роз. Вилла. Натура. Ночь. Людвиг стоит над Хорнигом, который, свернувшись калачиком, спит под портиком виллы. Стоит неподвижно, как изваяние. Мы слышим ответ Людвига отцу Хоффману.

Голос Людвига (*за кадром*). Да...]

Сцена 58

Капелла в резиденции. Интерьер. День. Отец Хоффман пристально смотрит на Людвигу, как будто гипнотизируя.

Отец Хоффман. Я спрашиваю тебя об этом на исповеди...

Людвиг отвечает очень тихо.

Людвиг. Да...

Отец Хоффман молитвенно складывает руки.

Отец Хоффман. Ego te absolvo...

Сцена 59

Вилла на Острове Роз. Натура. День. Стоя лицом к лицу с Хорнигом, Людвиг пристально смотрит ему в глаза. Мы видим их обнаженные плечи.

Голос отца Хоффмана (*за кадром*). ...во имя Отца, Сына и Святого Духа...

Людвиг приближается к Хорнигу и целует его в губы.

Сцена 60

Обеденный зал в замке Готтеншвангау. Натура. Ночь. Члены комиссии неподвижно сидят за роскошным обеденным столом. Застывшие позы, застывшие лица. Они кажутся каменными изваяниями. Стукнув ладонью по столу, Гольштейн рассивает эти чары.

Гольштейн. Если слуге удастся предупредить короля, нашу миссию можно считать провалившейся.

Крайлсхайм вскакивает.

Крайлсхайм. Мы не можем ждать до завтра. Мы должны действовать немедленно.

Члены комиссии торопливо поднимаются, грохоча отодвигаемыми стульями. Крики и неразбериха. Крайлсхайм пытается навести порядок. Кричит, чтобы быть услышанным в этом неожиданно поднявшемся шуме.

Крайлсхайм. Господа! Господа! Мы должны действовать немедленно. И помните, что дорога каждая минута.

Торопясь выйти, министры и сановники толпятся у дверей.

[Сцена 61

Показания. Интерьер. День. Круглое лицо священника. Глаза за линзами очков кажутся неправдоподобно большими. Священник

маленького роста, щуплый. Несоответствие между массивной круглой головой и хилым телом придает ему вид ребенка-старичка.

Священник (*плаксивым голосом*). У меня не было случая познакомиться с Его величеством до 1870 года. Это случилось в тот ужасный год, в самые страшные месяцы.]

[Сцена 62

Салон в резиденции. Интерьер. День.

Епископ (*на латыни*). Отрекаешься от Сатаны?

Королева-мать (*на латыни*). Отрекаюсь.

Епископ (*на латыни*). Отрекаешься от Сатаны?

Королева-мать (*на латыни*). Отрекаюсь.

Епископ (*на латыни*). Нечистый дух, изыди из этого тела...

Епископ кропит святой водой лоб королевы, в то время как один из монахов кадит ладаном. Красивый голубой дым заполняет комнату. Церемония крещения закончилась. Королева-мать подходит к настоятельнице и целует ей руку. Та поднимает ее и целует в щеку. Королева подходит к Верховному отцу иезуиту, который подает ей руку. Королева вновь собирается преклонить колени и поцеловать перстень, но иезуит удерживает ее.

Верховный отец иезуитов. Наши сердца переполняет радость, Ваше величество.

Теперь королева подходит к принцу Отто. Юноша стоит неподвижно, с растерянным и встревоженным выражением лица. Мать обнимает его и целует, но он остается совершенно безучастным. Верховный отец иезуитов и отец Хоффман обмениваются многозначительными взглядами.

Отец Хоффман (*обращаясь к принцу Отто*). От лица Верховного отца иезуитов выражаю наше общее удовлетворение по случаю присутствия здесь Вашего высочества. Это хотя бы отчасти восполняет нам отсутствие Его величества короля. И смягчает печаль, которую вызывает у нас занятая Его величеством позиция против основного догмата нашей церкви относительно непогрешимости папы.

Епископ, который свершал таинство, и прислуживавший ему священник с тревогой смотрят на Верховного отца иезуитов, страшась, что он будет недоволен вмешательством отца Хоффмана. Но Верховный отец иезуитов слушает его благосклонно.

Королева-мать (*взволнованно отцу иезуитов*). Препоручаю Его величество вашим молитвам...

Епископ и священник, сообразив, что заявления иезуитов были подготовлены заранее, обмениваются понимающими взглядами.

Отец Хоффман. Его величество, единственный из монархов-католиков, занял позицию, которая не только ставит в трудное положение Рим, но и вызывает смутение среди его подданных-католиков, которые накануне новой войны — а она, по всей видимости, завершится установлением прусского могущества в Европе — хотели бы верить, что ход земных дел направлен не на что иное, как на усиление связей с матерью-церковью и ее Верховным первосвященником. Таково наше убеждение. И мы будем продолжать открыто отстаивать его, не позволяя запугать себя угрозами изгнания из королевства нашего ордена и конфискацией его имущества.

Королева в крайнем волнении вновь опускается на колени перед Верховным отцом иезуитов.

Королева-мать (*шепчет*). Если Господь в своем бесконечном милосердии пожелает сегодня призвать меня, недостойную, к себе...

Шепот королевы перекрывается голосом священника, который продолжает свои показания.

Голос священника (*за кадром*). Это случилось, когда иезуиты по приказу Его величества короля покинули Баварию и я, недостойный этой великой чести, был призван ко двору королевы-матери. Франко-прусская война уже практически закончилась и...]

Сцена 63

Покои Людвиг в резиденции. Интерьер. День.

Голос священника (*за кадром*). ...наша страна готовилась вступить в Союз, идею которого предложил Бисмарк.

Мелкий, но сильный дождь моросит сплошной завесой. Только в последний момент мы понимаем, что его видит священник, стоящий у окна в приемной Людвиг.

Голос священника (*за кадром*). Его величество король жил все более уединенно. По желанию Ее величества королевы-матери я неоднократно ездил к нему, чтобы справиться о здоровье и сообщить ему, к сожалению, малоутешительные новости о здоровье его брата принца Отто. Очень часто Его величество отказывался принять меня, а когда я имел честь быть допущенным к нему, то не раз оказывался свидетелем его гнева, настолько неадекватного по сравнению с вызвавшими его пустяковыми причинами, что это может показаться неправдоподобным. Должен сказать, что с каждым разом мне становилось все труднее добиваться аудиен-

ции у Его величества, и даже когда состояние здоровья его брата, принца Отто, стало внушать серьезные опасения...

Священник продолжает смотреть на дождь, который монотонно стучит по листьям деревьев. Он даже не сразу замечает одного из слуг Его величества (Хорнига), который, подойдя к нему, говорит вполголоса, конфиденциальным тоном.

Хорниг. Ждать бесполезно, достопочтенный отец. Его величество вас не примет.

Священник. Я прибыл по поручению Ее величества королевы-матери. Принц Отто очень болен.

Хорниг (*пожав плечами*). Его величество король тоже болен. У него болят зубы. Поверьте мне. Не теряйте времени. Там еще граф Гольштейн, который ждет с утра. Он прибыл из Версаля, куда Его величество посылал его с важной миссией. И он ждет уже шесть часов...

Священник выглядывает за дверь и видит... Гольштейна, который, услышав их разговор, тоже выглядывает из-за двери. Священник и Гольштейн смотрят друг на друга, не здороваясь. Священник вздыхает и оборачивается к Хорнигу.

Священник. Передайте ему, что я был здесь. И скажите, по какому поводу.

Раздосадованный священник уходит, а Хорниг, услышавший звон колокольчика и голос Людвига, бежит в его комнату. По дороге его перехватывает Гольштейн и, оттолкнув, решительно направляется в комнату Людвига.

Гольштейн. Вся ответственность беру на себя.

Хорниг пытается помешать ему, но Гольштейн уже открывает дверь и входит в комнату Людвига. В комнате опущены шторы, царит полумрак и, судя по выражению лица Гольштейна, стоит тяжелый, спертый запах. Король полулежит в кресле, укутавшись в шубу. Голова обвязана шарфом. Со времени помолвки с Софьей Людвигом выглядит постаревшим, опухшим и опустившимся. При виде Гольштейна на его лице появляется выражение досады, которое тут же сменяется наигранным удивлением.

Людвиг. Когда ты вернулся?

Гольштейн. Сегодня, в восемь. И с тех пор жду...

Гольштейн улыбается и говорит легким светским тоном, который не вяжется с его сосредоточенным и одновременно беспокойным взглядом.

Гольштейн. Как Ваше величество прекрасно знает...

Людвиг (*неумело притворяясь*). Я?

Внезапно говорит жалобным, капризным тоном. Подносит руки к голове.

Людвиг. Мне очень плохо. Только благодаря хлороформу удалось несколько минут поспать. Противный запах? Хочешь, попросим открыть окно? Только мне все время холодно. Садись.

Гольштейн. Спасибо. Но я хотел бы уехать сегодня вечером.

Людвиг (*на этот раз искренне заинтересован*). А куда?

Гольштейн. Обрато в Версаль. Я говорил с канцлером Бисмарком. И должен привезти ему ответ. Больше нельзя терять времени.

Гольштейн садится рядом с Людвигом. Говорит быстро и убедительно. Достает из кармана письмо и протягивает его Людвигу. Людвиг берет бумагу, недоверчиво глядя на Гольштейна. Начинает читать. Говорит плаксиво.

Людвиг. Что это? Кто это написал? Не понимаю.

Гольштейн. Это письмо, которое вы должны написать королю Пруссии. Я не должен был вам говорить, но текст письма продиктовал мне сам Бисмарк.

Людвиг начинает читать, и постепенно, по мере чтения, его охватывает беспокойство.

Людвиг (*вскакивая*). Я? Я должен просить у Вильгельма сделать мне одолжение и принять в подарок мое королевство?

Гольштейн (*очень спокойно*). Нет. Вы просите у будущего императора новой великой Германии разрешения войти в федерацию союзных государств...

Людвиг (*в бешенстве перебивает его*). Это не значит вступить в Союз, это значит сдаться... превратиться в рабов! Хуже чем в рабов! Поставить себя в самое унижительное положение, которое только можно вообразить. Я... я... готов на все, что угодно, но не на... Кашляет, задыхается, мечется по комнате, ему становится жарко, и он срывает с себя шубу, шерстяной шарф. Гольштейн хладнокровно наблюдает за ним, все так же спокойно улыбаясь.

Гольштейн (*очень спокойно*). Почему? Я не понимаю. Рабство... унижение... Рабами становятся, когда, проиграв войну, попадают в плен. Унижительно проиграть. Что неизбежно случится с Баварией, если она не вступит в Союз... Новой великой Германии достаточно только чихнуть, чтобы смести Баварское королевство с лица земли! Так обстоят наши дела. И совет Бисмарка — самый мудрый. Лучше бы он дал его раньше. Тогда и дядюшка Вильгельм

ценил бы нас больше. Надо это сделать по крайней мере раньше, чем он будет провозглашен императором. Психологически... это сейчас наиболее подходящий момент. И выгодный. В том числе и в финансовом отношении... Да. Бисмарк дал мне ясно понять, что Ваше величество может на это рассчитывать.

Людвиг решительно отбрасывает в сторону шубу, а вместе с ней и письмо. Встает. Гольштейн остается сидеть. Нагибается и поднимает письмо. Затем не торопясь встает и относит письмо на письменный стол в кабинете Людвига.

Голос Людвига (*за кадром, охрипший, взволнованный*). Нет. Нет. Нет. Во всяком случае, не сейчас... Я не хочу... Я не смогу... Не могу.

Гольштейн продолжает разглаживать листок на столе, как будто не слыша возражений Людвига.

Гольштейн. Почти пять часов. Если в девять мне удастся уехать из Мюнхена... (*Неожиданно обернувшись к Людвигу, жестко.*) Мы все знаем, что другого выхода нет. Только помалкиваем.

И Гольштейн отходит в сторону, чтобы уступить Людвигу место за столом. Как замороженный, Людвиг идет к столу и безвольно падает в кресло. У него дрожат руки.

Людвиг (*жалобно*). Не сейчас. Я не могу... И бумаги нет... Гольштейн достает из папки бумагу с гербом и кладет ее перед Людвигом.

Людвиг (*сопротивляясь*). Если это правда, что другого выхода нет... а это неправда... Лучше плен, чем добровольное рабство... Какой стыд... Поклоняться новому кумиру... Какой стыд... Если мое правительство решит, что другого выхода нет, пусть оно и делает этот шаг...

Людвиг что-то невнятно бормочет. Гольштейн понимает, что близок к победе. Его взгляд и голос смягчаются. Он сжимает руку Людвига, как бы успокаивая его.

Гольштейн. Если бы я рассказал Вашему величеству о планах вашего правительства, вы без колебаний написали бы это письмо. Но я не хочу прибегать к подобным средствам. Я говорю только одно: Ваше величество нуждается в личной поддержке. Это будет союз людей, близких по крови, по происхождению... союз, который сулит много выгод... и сразу...

Людвиг берет перо и дрожащей рукой начинает писать.

Голос Гольштейна (за кадром, с умилением). Я хочу помочь моему королю обрести покой...

При этих словах Гольштейна невидимый оркестр начинает играть «Идиллию» из «Зигфрида».

Сцена 64

Дом Вагнера и Козимы в Трибшене. Интерьер. День. Рождество и одновременно день рождения Козимы Вагнер. Козима просыпается под звуки музыки и, не открывая глаз, прислушивается. Садится, удивленно озирается по сторонам, вскакивает с кровати и, завернувшись в шаль, выбегает из комнаты. Следуя за звуками музыки, которые становятся все ближе, Козима пробегает через зал, длинный коридор и, потрясенная, взволнованная, останавливается на площадке лестницы.

...на ступенях лестницы стоят оркестранты. Дирижирует Рихтер. Из другой комнаты выбегают две девочки (дочери Козимы), тоже в ночных рубашках... гувернантка с шестимесячным Зигфридом на руках... садовник и другая прислуга толпятся у дверей, выходящих в сад. В центре зала сверкающая игрушками рождественская елка. Эта картина с лестницей, музыкантами и слушателями в ночных рубашках удивительно радостная, безмятежная. Козима, закутанная в белую шаль, стоит неподвижно и только на какое-то мгновение оборачивается, ища глазами Вагнера. Но не видит его. И отдается дивным звукам музыки. Вагнер сидит на той же ступеньке, на которой стоит дирижер. И тоже внимательно слушает. И только когда исполнение музыки заканчивается, Вагнер встает и подходит к своей жене Козиме.

Вагнер (вполголоса). С днем рождения, дорогая. С Рождеством... Это мой подарок. Тебе... и ему...

Вагнер смотрит на малыша, которого держит на руках гувернантка, потом, заметив, что Козима в тапочках на босу ногу, говорит сердито.

Вагнер. Смотри не простудись.

Глаза Козимы полны слез. Она улыбается Вагнеру. Улыбается Рихтеру, который подошел к ней, чтобы поздравить.

Рихтер. Наилучшие пожелания, госпожа Вагнер. От всех нас...

Козима (улыбается сквозь слезы). Еще ни у кого, никогда не было

такого изумительного подарка. Сыграйте еще раз, прошу вас...
прошу вас...

Сцена 65

Комната Отто в клинике. Интерьер. День. Крик Отто. Отто бросается на санитаря, но тот, остановив его, заламывает ему руки за спину. Отто бешено сопротивляется, пытаясь вырваться.

К нему подходит Людвиг в сопровождении двух врачей.

Людвиг (*санитарю*). Отпусти его.

Санитар не знает, как ему поступить. Но, взглянув на короля, спешит подчиниться. Отто стоит неподвижно, глядя на Людвигу пустыми, мутными глазами. Людвиг указывает санитарю на смирительную рубашку.

Людвиг. И это тоже снимите.

Врач. Ваше величество...

Людвиг жестом приказывает ему замолчать. Медленно, неохотно санитар снимает с Отто смирительную рубашку. Людвиг делает знак, чтобы они ушли. Братья остаются одни, друг против друга.

Людвиг. Отто... Отто... ты не узнаешь меня?

Людвиг подходит к нему и обнимает за плечи с бесконечной нежностью и состраданием.

Людвиг. Это я, Людвиг...

Отто молча смотрит на него наивными детскими глазами. Людвиг подводит его к дивану и усаживает рядом. Крепко прижимает к себе и качает, как ребенка. Отто не сопротивляется, глядя на него с тем же безмятежно-ясным выражением детских глаз.

[Сцена 66

Охотничий домик. Интерьер. Вечер. Гольштейн лежит на полу у камина и от нечего делать, развлекаясь, дразнит одну из собак Людвигу. Собака рычит, скалит зубы, пытается убежать. Но Гольштейн снова ее ловит. Наконец собака все-таки вырывается от него и, подбежав к закрытой двери, начинает лаять. Гольштейн, не вставая, перекачивается по ковру и почти настигает ее.

Гольштейн. Сюда, сюда... от меня не убежишь...

Но дверь неожиданно открывается, и входит Людвиг в сопровождении Хорнига, который озабоченно подмигивает Гольштейну, как бы давая понять, что король не в духе.

Гольштейн. Прошу извинить. Я не думал, что вы придете, Ваше величество.

И показывает на свою одежду, которая в беспорядке.

Людвиг (*с наигранной улыбкой*). Кажется, мы договорились здесь поужинать?

Гольштейн. Да... И у нас даже есть гости. Если только Ваше величество не предпочтет...

Людвиг. Нет, нет...

Людвиг садится около камина. Он бледен. Пристально смотрит в огонь. Рассеянно берет бокал, протянутый Гольштейном, и подносит к губам. Гольштейн тоже пьет.

Гольштейн. Неприятности?

Людвиг отрицательно качает головой.

Гольштейн. Где вы были, Ваше величество?

Людвиг не отвечает.

Гольштейн. Там? Почему вы не предупредили меня? Я мог бы поехать с вами.

Людвиг не отвечает. Он выпил свой бокал, и Гольштейн с готовностью наполняет его снова.

Гольштейн. В общем, это было известно давно.

Людвиг продолжает молчать.

Гольштейн. За ваше здоровье, Ваше величество. Утешайтесь тем, что есть люди, которым сегодня еще хуже, чем вам.

Гольштейн пьет. Смотрит на короля смеющимися глазами. Людвиг тоже пьет. Поведение Гольштейна внушает ему любопытство и начинает забавлять.

Людвиг. Я тебя не понимаю.

Гольштейн. Еще бы, а все-таки...

Гольштейн раздражается смехом.

Гольштейн. О Боже, кажется, я слишком много выпил. Просто я сидел здесь и ждал и... и... не мог не думать о Крайлсхайме, Торринге, Румплере... они уже давно носятся с идеями... Ваше величество понимает меня?

Людвиг не понимает. Но смех, веселая развязность опьяневшего приятеля забавляют его все больше. Постепенно и он заражается его весельем.

Людвиг (*слабо улыбаясь*). Да о чем ты говоришь? Ты что, правда напился?

Гольштейн хохочет. Наполняет бокал Людвига и свой. Людвиг встает.

Гольштейн. Выпейте за мой тост, Ваше величество. Чтобы все ваши враги сошли. Они уже готовились возвести на престол вашего брата, и вот теперь, когда дело у них почти выгорело...

Неожиданно Людвиг изо всех сил бьет Гольштейна по лицу. Выра-

жение лица Гольштейна сразу меняется. Покачнувшись, он падает назад, бледнея от ненависти и страха.

Гольштейн. А в чем, собственно, дело? Может быть, это неправда? Они же хотели принудить вас отречься от престола в его пользу. И вы боялись... А теперь опасность миновала. Теперь уже никто не сможет согнать вас с трона... Имейте смелость хоть самому себе признаться, что вам повезло! Вы всегда плевали на своих родственников... Мать вы ненавидите... Вы сами рассказывали мне, что вам часто снится сон, будто вы топчете ее груди каблуками своих сапог. (*Истерично смеется.*) А что вам снится по поводу вашего брата, Ваше величество?

Людви́г снова бросается на Гольштейна и в бешенстве избивает его.

На шум прибегает Фольк, который смотрит на них с ужасом.

Людви́г (*кричит Фольку*). Плюнь ему в лицо, я тебе приказываю! Плюнь!

Людви́г пинает ногами упавшего Гольштейна, пытаясь вытолкать его за дверь.

Людви́г. Вон! Чтобы я больше никогда тебя здесь не видел! Вон! (*Фольку.*) Помоги мне! Ногами его! Ногами!]

[Сцена 67

Свидетельские показания Дуркхейма. Дуркхейм говорит медленно, низко опустив голову, как будто подбирая слова. И все время смотрит на кого-то, кого мы не видим (Гольштейн). Его взгляд полон сарказма, который не вяжется с тоном голоса и спокойным выражением лица.

Дуркхейм. Прежде всего, хочу сказать, что вначале я собирался воспользоваться правом отказаться от этого, скажем так, свидетельства. Соображение, все-таки заставившее меня прийти сюда... заключалось в том, что если граф Эгон фон Гольштейн (*и Дуркхейм вновь смотрит в сторону Гольштейна, которого мы не видим, но ощущаем его присутствие*)... человек настолько приближенный к особе нашего государя... не счел для себя возможным отказаться от тяжелой обязанности участвовать в этом разбирательстве, которое должно решить судьбу нашего короля... то я тем более не могу уклониться... Присутствие графа Эгона фон Гольштейна — достаточная гарантия того, что это... разбирательство не заговор, как может показаться на первый взгляд, с целью устранения нашего государя, после объявления его душевнобольным... Но своего рода консилиум ответственных, уважаемых людей, имевших возможность жить рядом с государем и ежедневно наблюдать его... Разумеется, они располагают важными фактами, которые хотя бы отчасти помогут

объяснить одиночество, в котором живет Людвиг Баварский, его безразличие к делам государства. Мы ведь и раньше знали об этом, не так ли? Как и то, что все его странности есть лишь странности человека, который решил доказать себе и всему миру, что он один может безнаказанно наслаждаться свободой. Но тогда из этого логически следует, что и частная жизнь государя экстравагантна в тех рамках, которые допускались правительством.]

Сцена 68

Показания. Интерьер. День.

Д у ф ф л и п п. Я, как честный слуга и честный гражданин королевства, терпел до тех пор, пока не смог далее выносить капризы деспота, который не знает удержу в удовлетворении своих прихотей. Я против своей воли помогал Вагнеру... терпел строительство Линдерхофа и, стиснув зубы, Нойшванштейна. Но когда осенью 1877 года я понял, что строительство Герренгимзее вещь решенная и что вся игра была сыграна у меня за спиной, я подал в отставку.

Сцена 69

Театр в Мюнхене. Кулисы. Интерьер. Вечер. Свидетеля Гессельшверда мы видим в тот момент, когда он из-за кулис смотрит финальную сцену из «Ромео и Джульетты». Юные возлюбленные уже мертвы, и Герцог произносит заключительный монолог об их трагической любви. Рабочие готовятся опустить занавес.

Голос Герцога (за кадром).

Идем, рассудим обо всем, что было.

Одних — прощенье, кара ждет других.

Но нет печальней повести на свете,

Чем повесть о Ромео и Джульетте¹.

Занавес опускается. Зал разражается аплодисментами. Гессельшверда оттирают в сторону, Джульетта и Ромео, только что лежавшие на сцене, вскакивают и, взявшись за руки, готовятся идти раскланиваться перед публикой. Другие актеры аплодируют и улыбаются юному Ромео, герою вечера, — Йозефу Кайнцу. Он кланяется, благодарит товарищей, рабочих сцены и, когда открывается занавес, низко кланяется публике. Аплодисменты переходят в овации. Занавес опускается, и усталый, потный Кайнец уходит со сцены, машинально отвечая на рукопожатия и объятия своих коллег.

¹ Шекспир У. Полн. собр. соч.: В 8 т. М.: Искусство, 1958. Т. 3. С. 130.

Его встречает директор театра и, пожав руку, что-то шепчет на ухо.

Директор театра (*вполголоса*). От Его величества короля. Кайнц вытирает пот и, обернувшись, видит Гессельшверда, который подходит к актеру и учтиво кланяется. Другие актеры вежливо отходят, но при этом насмешливо улыбаются и переглядываются.

Голос Гессельшверда (*за кадром*). Его величество король поручил мне передать актеру Кайнцу этот подарок и приглашение провести три дня в замке Линдерхоф.

Сцена 70

Фасад замка Линдерхоф. Натура. Ночь. На площадку перед замком подъезжает карета. Слуга торопливо открывает дверцу. Выходит Кайнц. Он кажется растерянным, сонным и явно нервничает.

И конечно, очень устал за время долгого путешествия.

Голос Майера (*дающего показания*). Кайнц прибыл в Линдерхоф на рассвете. Переоделся, и я проводил его в Грот Венеры, где его ждал король...

Сцена 71

Показания.

Министр Пфистер нервно и сбивчиво дает свои показания.

Пфистер. Я пришел в ужас, когда, сменив Дуффлиппа и познакомившись с делами, осознал всю тяжесть создавшегося положения. Я послал королю записку — его в то время не было в Мюнхене, — в которой писал об абсолютной невозможности изыскать новые источники дохода. Эта записка так и осталась без ответа.

Сцена 72

Грот Венеры в замке Линдерхоф. Интерьер. Ночь. Кайнц во фраке. Он только что вошел в грот. В изумлении озирается. Грот залит таинственным голубым светом. Прямо у его ног — озеро, а на озере — лодка в форме золоченой раковины. Паж плавно гребет, едва касаясь веслами воды, а Людвиг в шляпе и меховой накидке лежит на дне лодки. Позолоченная раковина причаливает прямо около Йозефа Кайнца. Король сходит на берег. Оробевший и крайне взволнованный Кайнц кланяется ему до самой земли. Король проходит мимо, едва удостоив его взглядом. Идет вдоль берега озера. К нему подплывают лебеди. Он достает из кармана плаща печенье

и бросает им крошки. Некоторое время Кайнц стоит в нерешительности, затем медленно идет к выходу.

Сцена 73

Комната в замке Линдерхоф. Интерьер. День. Йозеф Кайнц лежит на кровати, совершенно обессиленный от усталости и волнения. Раздается стук в дверь, и входит слуга. Это Майер. Кайнц садится на постели. Трет глаза.

Майер. Разрешите мне дать вам один совет, господин Кайнц. Видите ли, король ожидал встретить Ромео, а не господина Йозефа Кайнца. Именно Ромео он пригласил в Линдерхоф. И если вам удастся стать Ромео или Дидье, то есть одним из ваших героев, вы можете быть абсолютно уверены в успехе.

[Сцена 74

Показания.

Гессельшверд продолжает свои показания.

Гессельшверд. Короля совершенно не беспокоили долги. Его волновало только отсутствие денег, угрожавшее его грандиозным строительным планам.]

Сцена 75

Гостиная в замке Линдерхоф. Интерьер. Вечер. Стол еще накрыт к ужину, но в беспорядке. Сотрапезники уже отужинали, и теперь слуга (Майер) лишь наполняет шампанским их бокалы. Король пьет бокал за бокалом. Кайнц, во фраке, медленно ходит по комнате, декламируя. Красивый голос актера мощно звучит под лепными сводами зала.

Кайнц (*читает монолог Вильгельма Телля из пьесы Шиллера*).

*Вы у подножья каждого креста
Молитесь со слезами покаянья.
И, счастливо пройдя дорогой грозной,—
Коль в пропасть лютый вихрь вас не сорвет,
Не похоронит снежная лавина,—
Увидите весь в брызгах пены мост.
И если он под бременем вины,
Отяготившей вас, не рухнет в бездну,
То мрачные скалистые ворота
Вам попадутся на пути. А дальше
Откроется веселая долина.*

*Но поскорее проходите мимо,—
Где мир царит, нельзя вам долго быть*¹.

Людвиг (с мечтательным выражением лица и как бы про себя, шепчет одними губами). О, Рудольф! Рудольф! Царственный мой предок! Так бродит внук твой по твоей земле!²

Кайнц.

*Идя все вверх, придете к Сен-Готарду.
Там вечные на высях есть озера;
Они струями чистыми с небес,
Как чаши, наполняются. Прощайтесь
С землею нашей тут. А вниз другой,
В Италию, вас выведет поток...*³

Людвиг слушает его в полном восторге, экстазе. Залпом выпивает очередной бокал шампанского, говорит возбужденно.

Людвиг. Я повезу тебя туда, где жили и страдали твои герои. Мы поедem в Швейцарию, пройдем по дорогам, которыми ходил Вильгельм Тель... а потом в Италию. Да. Именно в Италию.

Кайнц собирается что-то сказать, но Людвиг, как будто боясь этого, властно перебивает.

Людвиг. Потом, потом поговорим. Еще из Дидье. Еще раз Дидье. «Обман мне нестерпим»...

Кайнц облизывает пересохшие губы. С видимым усилием пытается сосредоточиться.

Кайнц (читает VI сцену из «Марьон Делорм» В. Гюго). Обман мне нестерпим!

*Родиться женщиной я мог себе на горе
И тоже утонуть в распутстве и позоре,
Собою торговать, всем подставляя грудь,
Чтоб первый встречный мог на ней часок уснуть,—
Но если встретил бы меня не как забаву
Невиннейший чудак, влюбленный в честь и в славу,
И если бы в себя влюбить мне удалось
Скитальца, грезю пронзенного насквозь,
Скорее, чем ему в позоре не признаться,
Скрыть от него, кто я, и молча с ним остаться,
Не заявив ему открыто наперед,
Что мой невинный взор ежеминутно лжет,*

¹ Шиллер Ф. Драммы. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1975. С. 733.

² Реплика Иоанна Паррицида, герцога Швабского. Там же. С. 733.

³ Там же.

*Скорей, чем так солгать,— о, я, собрав всю силу,
Ногами б вырыла сама себе могилу*¹.

Кайнц декламирует со слезами. Людвиг не сводит с него глаз, повторяя вслед за ним все его жесты, мимику, полностью отождествляясь с ним, входя в роль.

К а й н ц (*продолжая декламировать, прижимает руку к груди*).

*Вы смеялись бы, себя увидев тут,
В том странном зеркале, что сердцем все зовут.
Его разбив в куски, вы поступили верно.
Вы чистой были там, простой, нелицемерной...
О, женщина! Ну чем, скажи, был виноват
Тот, кто любил тебя, как самый нежный брат?*²

Кайнц умолкает и хочет сесть, но Людвиг останавливает его взглядом. Кайнц улыбается устало и нерешительно.

Л ю д в и г (*говорит тихо, но очень пылко*). Ты будешь моим лучшим другом. Опорой моего театра. Ты будешь играть в самых лучших пьесах мирового репертуара. Станешь объектом зависти и ревности своих коллег. Но тебе нечего бояться, потому что покровительствовать тебе будет сам король. Король возьмет тебя под свою защиту, облегчит тебе все твои страдания и невзгоды... Но ты... ты должен быть ему верен. Взамен я требую от тебя только верности. Вагнера тоже никто не знал. Я подарил его всему миру... Но Вагнер предал меня. (*Говорит, проникаясь жалостью к самому себе*.) Я... я тот самый скиталец, грезоу пронзенный насквозь... и я ищу настоящего друга. Теперь я его нашел!

Людвиг начинает говорить громче. Просит налить ему еще шампанского.

Л ю д в и г. Мы поедem немедленно. И будем все время путешествовать... а если они мне запретят...

К а й н ц. Кто может запретить вам? Вы король... хозяин самому себе.

Л ю д в и г. Быть королем не так-то просто.

Может быть, слегка опьянев от выпитого шампанского, Кайнц неосторожно шутит.

К а й н ц. А если так, то почему бы вам не отречься от престола? Людвиг смотрит на него с гневом. Потом как бы про себя произносит слова Людовика XIII из «Марьон Делорм»: «Мне, первому в стране, и вдруг последним стать? О, браконьеру я хотел бы трон отдать!»³

¹ Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. Т.3. М.: ГИХЛ, 1953. С. 156.

² Там же. С. 157.

³ Там же. С. 115.

Неуверенно поднявшись на ноги, отходит от Кайнца и, порывисто обернувшись к нему, обжигает ненавидящим взглядом.

Л ю д в и г. Никогда, никогда не смей говорить со мной в таком тоне! Слышишь, никогда!

Кайнц испуган. Но, вероятно, так и не понимает, как глубоко его слова задела короля. И теперь он пытается исправить свою ошибку.

К а й н ц. Я устал, Ваше величество. Могу я пойти поспать пару часов?

Л ю д в и г (*недоуменно смотрит на него, как будто юноша сказал какую-то ересь*). Спать? Карета подана. Едем. Я покажу тебе свои настоящие владения: горы, освещенные первыми лучами солнца, чистый и светлый мир, который существует только для нас... Думай о своей душе, а не о своем теле, Дидье.

Сцена 76

Горы, окружающие Линдерхоф. Карета или сани. Натура. Ночь. Карета (или сани) быстро мчится, влекомая четверкой серых коней. Впереди галопом несется верховой. В карете (или санях), укутанные в меховые шубы, Людвиг и Кайнц. Кайнц осипшим голосом декламирует.

Сцена 77

Показания. Интерьер. День. Гессельшверд продолжает давать свои показания.

Гессельшверд. У него не было денег, но он и не думал об экономии. Наоборот. Продолжал их транжирить. Раздаривать направо и налево. Суммы с четырьмя нулями какому-нибудь смазливому лакею или актеру, голос которого ему понравился.

Сцена 78

Шхуна «Тристан» на озере. Натура. Ночь. Кайнц спит, устав после труднейшего восхождения на Рутилы. Людвиг, опершись на перила, смотрит на черные воды озера. Затем подходит к деревянной лавке, на которой глубоким сном спит усталый юноша, и накрывает своим плащом. Легкое суденышко бесшумно скользит по воде. Людвиг кажется погруженным в тяжелые раздумья. Проходит несколько часов. На темном небе появляется луна. С далекого берега доносятся звуки музыки. Кайнц просыпается. Он совершенно разбит и измучен. К нему подходит король. Смотрит сурово.

Л ю д в и г (*презрительно*). Ты храпел... (*Пытается улыбнуться.*)

Не такие стихи я хотел от тебя услышать. (*Подсказывая.*) «Если с юга поднялся ветер...» Смотри! Смотри, какая луна... мерцание и игра воды... что это тебе напоминает? Ну же! Читай!

В первый раз за все это время молодой человек отказывается.

Кайнц. Я не могу, я не чувствую этого. И не хочу превращаться в фигляра. Читать по команде. Я актер, артист...

Людвиг. Прошу тебя. Только эти строчки. Умоляю. Я тебе приказываю!

Кайнц. Я не могу. Это сильнее меня. Я выдохся. Уже целую неделю мы путешествуем... Мне кажется, что я не спал целую вечность... Я начинаю забывать...

Людвиг смотрит на Кайнца со слезами на глазах. Он понимает, что опять что-то сломалось, разрушилось навсегда. Долгожданный друг, которого он столько времени искал, снова потерян.

Людвиг. Хорошо, если вы устали, отдохните.

Сразу переходит на «вы», почти шепчет с болью в голосе. Кайнц снова бросается на лавку, так и не поняв, что в этот миг что-то навсегда умерло в душе и сердце короля.

Сцена 79

Показания. Интерьер. День. Свидетельства все быстрее следуют одно за другим. Первым выступает директор издательства, господин Фюрст, массивный, грузный человек.

Господин Фюрст (*жестко*). Господин Кайнц заявил, будто у него были похищены письма, которые Его величество король почти ежедневно писал ему в период их недолгой дружбы. Господин Кайнц солгал! Господин Кайнц продал, и за большие деньги, письма короля, так же как полученные от него подарки. Он продал их одному моему представителю в Швейцарии. И я утверждаю, что эти письма — верное доказательство того, что Его величество король не в своем уме. И как честный гражданин, отец солдата, павшего в войне 66 года, я официально заявляю, что, если государь, который нами правит, не будет объявлен душевнобольным, я опубликую эти письма, намеренно спровоцирую скандал, равного которому наша страна еще не знала.

Крайлсхайм (*почти кричит*). Король посылал своих людей к королю Швейцарии с просьбой одолжить ему двадцать миллионов. С той же просьбой он обращался к австрийскому императору, турецкому султану и персидскому шаху.

Граф Торринг. Король пытался присвоить себе наследство своего брата Отто, опекуном которого он является и который в на-

стоящее время содержится в психиатрической лечебнице по причине умственного расстройства. Не раз Его величество король при посредничестве слуг продавал предметы и произведения искусства, которые являются собственностью государства. Вероятно, все помнят историю с торговцем, который отказался поверить Его величеству в долг и получил серебряное блюдо, цена которого во много раз превышала цену поставленного им товара. Нелишне напомнить, что товар этот представлял всего-навсего несколько отрезков черного крепа и бархата, ими король приказал завесить стены залов своих замков в знак траура по своему другу Рихарду Вагнеру.

Сцена 80

Замок Герренгимзее. Натура. Интерьер. День. Пустынный парк замка. В начале аллеи стоит Элизавета. Плотную вуаль раздувает холодный ветер с озера. Великолепный фасад, кажется, уходит в самые облака. Элизавета медленно идет по посыпанной гравием дорожке, пересекает террасу, темную и блестящую от недавно прошедшего дождя, и толкает дверь, ведущую в вестибюль. Ее встречает огромный бронзовый павлин, хвост которого переливается множеством разноцветных эмалей. Шаги Элизаветы отдаются гулким эхом в пустынных залах дворца.

Сцена 81

Герренгимзее. Зеркальная галерея. Интерьер. День. Бесконечная зеркальная галерея. Замок кажется нереальным, как будто его построили и населяют духи. И Элизавета сейчас тоже кажется призраком. Огромное фортепьяно, накрытое черным бархатом, напоминает катафалк. Светильники обернуты черным крепом.

[Сцена 82

Замок Линдерхоф. Натура. Интерьер. День. Тучи низко нависли над горами, окружающими белый замок Линдерхоф. На фоне черных елей он кажется снежной крепостью. Так же как в Герренгимзее, Элизавета проходит по безлюдному, как будто зачарованному парку. Растерянная, ошеломленная, блуждает по пустынным и тихим залам, таким же роскошным, как в первом замке. И опять роуаль, накрытый большим черным покрывалом.]

[Сцена 83

Грот Венеры. Интерьер. Ночь. В Гроте Венеры, бесшумно скользя по глади озера, к Елизавете подплывает прекрасный белый лебедь, любопытный и совершенно ручной. И тут же, с легким всплеском воды, уплывает обратно.]

Сцена 84

Нойшванштейн. Натура. День. Так же как Герренгимзее и Линдерхоф, Нойшванштейн совершенно безлюден и кажется необитаемым. Елизавета поднимается по лестнице, любуясь стройными зубчатыми башнями и остроконечными шпилями, уходящими в облака.

Сцена 85

Королевские апартаменты в Нойшванштейне. Интерьер. День.
Людвиг корчится в судорогах.

Людвиг. Я не могу ее видеть!.. Не могу ее принять!..

Людвиг бросается к окну и, прячась за шторами, пытается рассмотреть, что происходит снаружи, в саду.

[Сцена 86

Нойшванштейн. Натура. День. Елизавета поднимается по лестнице. На этот раз императрицу сопровождает ее придворная дама Ида Ференци.]

Сцена 87

Королевские покои. Интерьер. День. Людвиг отходит от окна, обращившись к Хорнигу, но говорит сам с собой.

Людвиг. Скажите ей, что я болен... Может быть, так оно и есть. Я очень страдаю... очень... Не нуждаюсь ни в чьей жалости. Людвиг пьян, давно небрит, в грязной сорочке. С ужасом смотрит на себя в зеркало.

Людвиг. Иди... Скажи ей, что я очень страдаю, что сам приеду к ней, как только мне станет лучше... Конечно, Нойшванштейн в полном ее распоряжении... Если она пожелает, может оставаться здесь сколько угодно... но я не могу ее видеть...

Людвиг снова пьет, руки трясутся. Слуга Вебер хочет ему помочь, но Людвиг грубо отталкивает его.

Сцена 88

Зал в Нойшванштейне. Интерьер. День. Показания Вебера.

Вебер. ...а потом он начал плакать. Он выгнал нас из комнаты, но мы слышали. Он плакал и кричал: «Елизавета, Елизавета...», звал ее.

Сцена 89

Карета Елизаветы. Интерьер. Вечер. Елизавета сидит в карете. За плотной вуалью почти не видно лица.

Голос Людвига (*за кадром*). Елизавета... Елизавета...

Сцена 90

Охотничий домик. Интерьер. Ночь. Голый по пояс, потный, со слипшимися волосами, Людвиг безудержно хохочет, обнажая беззубый, как у старика, рот. Он играет в жмурки с конюхами и лакеями. Один из лакеев, подыгрывая себе на цитре, поет тирольскую народную песню. Одежда участников игры в полном беспорядке: расстегнутые рукава на рубашках, распушенные ремни. Кучер Миттерхоффер водит с завязанными глазами, пытаясь поймать кого-нибудь из игроков, которые подкрадываются к нему сзади и, хлопнув по спине, с хохотом убегают. Пытаясь удержать Хорнига, Миттерхоффер хватает его за рубашку, но тот вырывается, и рубашка под общий смех остается в руках у Миттерхоффера. Один из конюхов, куражась, тоже срывает с себя рубаху. Казалось бы, Миттерхоффер ничего не должен видеть из-под повязки, и все-таки ему явно удастся что-то подсмотреть. Это легко понять по тому, как целеустремленно он преследует Людвига, хочет поймать именно его. Людвиг несколько раз увертывается, и все-таки Миттерхоффер настигает его. А может быть, Людвиг и сам дает себя поймать. Миттерхоффер крепко держит его, водя рукой по лицу и как бы пытаясь угадать черты, в то время как король изо всех сил старается сдерживать смех, чтобы не выдать себя голосом. Пассы Миттерхоффера становятся все настойчивее. Хорниг смеется.

[Сцена 91

Салон в резиденции. Интерьер. День. Министр Крайлсхайм и граф Торринг беседуют с принцем Луитпольдом.

Принц. Я готов принять регентство над Баварией, но только

после того, как вы докажете всей стране и мне лично, что король больше не может править... Несмотря на его эксцентрические выходы, чудовищные траты, замки, Людвиг все еще любим народом...

Торринг. Мы лишь хотим быть уверенны, что вы поддержите нас в нужный момент.

Принц. Если вы считаете мое участие необходимым, представьте мне заключение вашего расследования. И соответствующее заключение врачей о состоянии здоровья короля.

Крайлсхайм указывает принцу на человека, которого до сих пор мы не видели в кадре. Это Гольштейн.

Крайлсхайм. Граф фон Гольштейн внес очень важный вклад в ход следствия.

Принц холодно смотрит на Гольштейна. Говорит о нем так, как будто того нет в комнате.

Принц. Бывший фаворит. Да, вы подобрали подходящего человека...]

Сцена 92

Показания Гуддена. Профессор Гудден встает, громко читает.

Профессор Гудден. В результате проведенной медицинской экспертизы комиссия врачей пришла к следующему заключению.

Сцена 93

Комната Людвиг в Нойшванштейне. Интерьер. Ночь.

Голос Гуддена (*за кадром*). У Его величества последняя стадия психического заболевания, симптомы которого хорошо знакомы специалистам,—паранойя. И поскольку это болезнь воли, она мешает государю осуществлять правление государством. Болезнь эта неизлечима.

В то время как Гудден продолжает за кадром давать показания, начатые в предыдущей сцене, мы видим короля, совершенно убитого вестью, которую принес ему Остерхольцер. Юноша стоит перед королем, запыхавшийся, насквозь промокший. Вебер и Майер, помогающие королю одеваться, обмениваются испуганными взглядами.

Людвиг (*медленно, тихо*). Фон Гольштейн... ты сказал, фон Гольштейн... А кто еще с ним?

Остерхольцер. Я узнал министра Крайлсхайма... профессора Гуддена, Гессельшверда...

Внезапно впад в ярость, Людвиг начинает кричать.

Людвиг (*кричит*). Чего они хотят?.. Я их всех арестую. Вебер! Хочу, чтобы их запероли до смерти. Я прикажу выколоть им глаза, расстрелять. Я сам это сделаю, своими собственными руками. Я хочу это сделать сам! Скорее! Зовите стражу! Прикажите их арестовать!

Сцена 94

Площадка перед замком Нойшванштейн. Натура. Ночь. Дождь. Когда три черные кареты под проливным дождем останавливаются на площадке, ворота замка оказываются закрытыми. Из сторожевой будки выходит солдат. Целится.

Солдат. Руки вверх!

Члены комиссии один за другим выходят из кареты под дождь. Напуганные этим неожиданным приемом, они жмутся друг к другу, а их сдвинутые зонтики образуют черный блестящий купол. Крайлсхайм делает попытку приблизиться, но солдат его останавливает.

Солдат. Еще шаг, и я стреляю!

Крайлсхайм благодарно отступает назад. И, лишь почувствовав себя среди своих, вновь обретает смелость.

Сержант. Что вам нужно?

Крайлсхайм. Нам поручено препроводить короля в замок Берг. Его величество был низложен Государственным советом, и Его королевское высочество принц Луитпольд вступил в регентство. Прикажите солдатам сложить оружие и открыть ворота.

Сержант. Мы имеем приказ короля стрелять в каждого, кто попытается приблизиться.

Крайлсхайм. У меня документ, в котором король объявлен душевнобольным, и я имею полномочия зачитать вам его.

Крайлсхайм делает шаг в сторону ворот. И сразу тишину ночи разрывает звук выстрела. Крайлсхайм испуганно отступает назад.

Голос Дуркхейма (*за кадром*). Мы не можем нарушить приказ Его величества короля. Сдайте оружие.

Гольштейн порывисто оборачивается и с ненавистью смотрит на Дуркхейма, который стоит по стойке «смирно», невозмутимо глядя прямо перед собой, мимо Гольштейна.

Сцена 95

Комната Людвига в Нойшванштейне. Интерьер. Ночь.

Вебер. Они их арестовали...

Вебер взволнован и возбужден.

Л ю д в и г (*задыхаясь*). Эй, Майер! Дай мне ключи от башни. Быстрее! Если будет нужно, мы поднимемся туда. Там я смогу лучше защищаться... или брошусь вниз, если они попробуют меня взять. (*С нервной дрожью.*) И все. Пусть не надеются превратить меня в живого мертвеца, как моего брата. Живым я им не дамся.

Людвиг все так же возбужден. Он безостановочно кружит по комнате, наливает себе шампанское. Прежде чем он «сломается» в разговоре с Дуркхеймом, он должен производить впечатление человека, активно участвующего в происходящих событиях. Вебер и Майер тоже во власти этой иллюзии, но поведение Людвиг и дальнейшее развитие событий делают их осторожнее.

Л ю д в и г (*Майеру*). Скорее. Ключ.

Вебер и Майер обмениваются многозначительным взглядом.

М а й е р. У нас его нет.

Л ю д в и г (*истерически кричит*). Найди! Ты должен найти его! Скорее!

И Людвиг швыряет в Майера бокал. Тот поспешно выскакивает из комнаты, а Людвиг пьет шампанское прямо из бутылки. Майер снова появляется на пороге комнаты и объявляет.

М а й е р. Полковник Дуркхейм...

Дуркхейм появляется на пороге. Людвиг идет ему навстречу, протягивая руки.

Л ю д в и г. Дуркхейм! Я приказал арестовать заговорщиков...

Д у р к х е й м (*быстро, серьезно*). Я одобряю действия Вашего величества. Но Государственный совет принял решение... Теперь надо поднять народ против этого решения. Мы немедленно переправим Ваше величество в Мюнхен. Я думаю, мы можем положиться на армию. Ваше величество обратится к солдатам и офицерам... Что-то в выражении лица Людвигастораживает Дуркхейма. Он умолкает на мгновение и тут же начинает говорить снова, но более решительно.

Д у р к х е й м. Ваше величество, мы не можем терять ни минуты. Мы должны добраться до Мюнхена раньше, чем...

Людвиг берет бутылку. Собирается выпить и испуганно отставляет ее, как нашкодивший и застигнутый врасплох школьник. Движения вновь становятся вялыми. Людвиг с обиженным выражением лица садится в кресло.

Л ю д в и г. В Мюнхен? И восьмерке слонов не затащить меня в этот отвратительный город, который я ненавижу.

Дуркхейм смотрит на Людвиг. Понимает, что поддался несбыточным надеждам. Вздыхает. Опускает голову.

Д у р к х е й м. Ваше величество, это единственная надежда на

спасение. (*Подходит к Людвигу, пристально смотрит на него.*) Если только Ваше величество не решит эмигрировать. Мы можем попытаться уехать в Тироль. За границу. Правда, потом будет трудно вернуться назад. Но я думаю, что армия, народ придут на помощь Вашему величеству.

Людвиг (*тем же тоном капризного ребенка*). Нет, нет, нет!

Людвиг встает, теперь уже в открытую, без всякого стеснения берет бутылку и снова пьет прямо из горлышка, не обращая внимания на бокал, который ему протягивает Вебер.

Дуркхейм (*холодно*). Ваше величество предпочитает эмиграцию? Готов помочь и в этом.

Людвиг (*раздраженно*). У меня нет никакого желания путешествовать. И потом, что я буду делать в Тироле? И когда только они все оставят меня в покое! (*Жалобно-плаксиво.*) Дуркхейм! Скажи им, чтобы они оставили меня в покое.

Снова садится в кресло, его глаза полны слез. Дуркхейм смотрит на него. Чувство жалости берет верх над досадой и разочарованием.

Дуркхейм (*вполголоса, подавленно*). Я всегда старался быть полезным Вашему величеству. Мне это не удавалось раньше. Не удастся и теперь...

Людвиг (*быстро взглянув на него*). Вы можете помочь мне. И очень!

Людвиг делает знак Дуркхейму подойти поближе. Дуркхейм наклоняется к нему.

Людвиг (*тихо*). Мне нужен яд... достань мне яду...

Людвиг говорит это, подмигивая, с лукавым выражением лица, как будто приглашает поозорничать вместе с ним или предаться тайному пороку. Особенно сильное впечатление на Дуркхейма производит безумный взгляд короля.

Людвиг (*опять жалобным тоном*). Достаточно пойти в аптеку Кемптона. Только немедленно.

Дуркхейм. Ваше величество, я здесь для того, чтобы спасти вас, а не для того, чтобы помочь вам умереть.

Дуркхейм встает. Теперь и у него глаза блестят от слез.

Сцена 96

Зал в подвальном помещении замка Нойшванштейн. Интерьер. Ночь. Члены комиссии в подвале, под охраной двух вооруженных часовых у дверей.

Гольштейн (*громко, с раздражением одному из часовых*). Приказываю вам передать мое послание первому министру, а заодно узнать, сообщили ли в центр об этом произволе!

Гольштейн умолкает, но тут же начинает говорить снова, иным, более твердым, командным голосом.

Гольштейн. Полковник Дуркхейм... Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, какую ответственность взяли на себя и какие необратимые последствия будут иметь для вас ваши действия. Не удосужившись даже взглянуть на наши мандаты, вы допустили, что барон Крайлсхайм, министр иностранных дел, граф Торринг...

И Гольштейн показывает на товарищей по заключению Дуркхейму, который в сопровождении двух офицеров входит в комнату. У Дуркхейма трагическое, замкнутое выражение лица. Он отстегивает шпагу и кладет ее на стол, стоящий в комнате.

Дуркхейм (*Гольштейну*). Исполняйте свой долг. (*Опуская глаза.*) Только разрешите дать вам один совет: будьте осторожны. Его величество король нуждается в защите от самого себя.

Сцена 97

Покои Людвига в Нойшванштейне. Интерьер. Ночь. Людвиг все так же сидит в своем кресле, неподвижно глядя прямо перед собой. Вебер, которому пришлось быть свидетелем событий, слишком значительных для его скромных умственных способностей, никак не может прийти в себя от испуга. Стоя у столика с бутылками, он растерянно озирается по сторонам и поминутно спрашивает.

Вебер. А теперь? Что же теперь будет, Ваше величество? Что они предпримут теперь?

Людвиг вздрагивает, смотрит на Вебера отсутствующим взглядом.

Людвиг. Ты веришь в бессмертие души, Вебер?

Вопрос еще больше пугает Вебера, который уже и так чувствует себя втянутым в эту смертоносную кампанию.

Вебер (*испуганно*). Да, Ваше величество. Да. Но...

Людвиг (*все так же не обращая внимания на ужас Вебера*). И я. Я тоже верю в бессмертие души и в Божью милость. Я очень много читал о материализме. Человеку этого мало. Он стремится к возвышенному и не хочет быть низведен до уровня животного.

Людвиг качает головой. Постепенно приходит в себя. Только сейчас замечает подавленное состояние Вебера. Его бледность. Встает.

Людвиг. Ты единственный, кто остался верен мне до конца... и ты еще сможешь мне, ведь правда? Даже если Майер меня предал.

Вебер (*бормочет*). Ваше величество...

Людвиг быстро подходит к ящику, открывает его, достает мешочек с монетами.

Людвиг. Держи... тем более что мне они больше не понадобятся.

Отдает ему также заколку, усыпанную бриллиантами и сапфирами.

Людвиг. И это тоже. Я напишу письмо. Если, в случае моей смерти, булавку придется вернуть в королевскую сокровищницу, они заплатят тебе 25 000 марок.

Вебер слишком напуган, чтобы радоваться таким ценным подаркам. Принимает их дрожащими руками.

Голос Майера (*за кадром*). Ваше величество, я достал ключи от башни!

Людвиг порывисто оборачивается с возгласом облегчения. Бежит навстречу Майеру, как навстречу своему спасению.

Людвиг. Майер! А ведь я усомнился в тебе...

Людвиг хватается за ключ из рук Майера и тут же убегает. Майер и Вебер, который так и стоит, прижимая к груди подарки Людвига, обмениваются многозначительными взглядами.

Сцена 98

Коридор и лестница в Нойшванштейне. Интерьер. Ночь. Людвиг стремительно выбегает из комнаты, бежит по проходу, в который выходит дверь на лестницу. Наконец добирается до нее, торопливо вставляет ключ в замочную скважину, и после нескольких поворотов тяжелая дверь открывается. Винтовая лестница уходит наверх, в темноту. Людвиг возвращается, берет лампу и начинает подниматься. Поднимается все выше. Кажется, что лестница никогда не кончится. Смотрит в окно на расстилающиеся перед ним просторы Нойшванштейна. Вот наконец и последний пролет. Король внезапно останавливается. Наверху лестницы его уже ждут. Это солдаты и санитары. Слабый свет лампы освещает их лица. Людвиг бросается бежать обратно, вниз. Ударяется плечом, роняет лампу. Последний марш бежит в темноте, ориентируясь по слабому свету, идущему из коридора. Добегает до двери. Здесь его останавливают несколько сильных рук. Как по волшебству, перед ним вырастает внушительная фигура профессора Гуддена.

Гудден. Ваше величество, никогда еще мне не приходилось исполнять столь тягостного и неприятного поручения. Четыре врача высказали мнение о состоянии здоровья Вашего величества, и принц Луитпольд назначен регентом. У меня приказ препроводить Ваше величество сегодня ночью в замок Берг.

[Сцена 99

Путешествие в Берг. Ночь. Проливной дождь. Три черные кареты направляются в сторону замка Берг. Во второй карете сидят Людвиг, Гудден и санитар. Король кажется совершенно спокойным.

Неожиданно, обернувшись к доктору Гуддену, он говорит:

Людвиг. Как же вы могли прийти к заключению о состоянии моего здоровья, если вы меня даже не видели?

Гудден. В этом не было необходимости, Ваше величество... Мы располагали множеством фактов, обширной документацией.

Людвиг. Неужели? Хотя конечно, принц Луитпольд подготовил все хорошо и обстоятельно. Только в этом не было нужды. Ему достаточно было сказать лишь слово, я бы добровольно отрекся и уехал за границу. Как вы думаете, сколько продлится лечение?

Гудден. Ваше величество, вы знаете, что в соответствии с нашей конституцией, если король в силу каких-либо причин не может править больше года, в стране устанавливается регентство.

Людвиг. Это слишком долгий срок. Столько времени не требуется.]

Сцена 100

Замок Берг. Натура. День. В полдень кареты подъезжают к воротам замка Берг. Сержант Зауэр подходит к дверце кареты. Людвиг дружески его приветствует. Сержант отдает честь.

Сцена 101

Замок Берг. Интерьер. В сопровождении доктора Гуддена, санитаров и офицеров дворцовой охраны Людвиг идет по комнатам дворца, иногда останавливается, рассматривает мебель, обстановку и т. д.

Сцена 102

Апартаменты Людвиг в замке Берг. Интерьер. День. В сопровождении профессора Гуддена и доктора Мюллера Людвиг входит в свои апартаменты. Первая комната — небольшая гостиная, в которой накрыт стол, и смежная с ней спальня — по сути, это одна большая комната, разгороженная перегородкой.

Голос Гуддена (*за кадром*). Теперь Вашему величеству следует перекусить...

Людвиг стоит у накрытого стола. Ни ножей, ни вилок. Только ложки и вилочка для фруктов. Людвиг трогает приборы рукой.

Людвиг (*вяло*). А что, по-вашему, я должен есть?

Гудден. Все что пожелаете, Ваше величество.

Людвиг (*с легкой иронией*). Довольно странные приборы. Нет ножей и только одна вилка для фруктов...

Усталым жестом Людвиг смешивает приборы на столе.

Людвиг (*устало и безразлично*). Я не голоден. И хочу спать. Разбудите меня ночью. Сначала я погуляю, а потом поем.

Гудден. С сегодняшнего дня Ваше величество будет вести более размеренный образ жизни. Спать ночью... питаться в установленные часы... Что касается прогулок... Потом посмотрим... Скоро... Я сам буду просить разрешения... Скоро... Очень скоро.

Людвиг подходит к окну, отдергивает штору и сразу опускает.

Людвиг (*послушно*). Понимаю. (*Пауза.*) Теперь я бы хотел отдохнуть... и побыть один. (*Кротко.*) Это возможно?

Гудден кивает. Делает знак другому врачу. Людвиг вежливо кланяется. Затем возвращается к окну. Снова отодвигает штору, видит серое небо, дождь. Оглядывается, услышав скрежет засова запираемой снаружи двери. Людвиг крадучись подходит к двери. На этот раз его внимание привлек какой-то новый, не совсем понятный звук. Людвиг присматривается повнимательнее и обнаруживает, что в двери есть глазок. Взгляд Людвига встречается со взглядом санитара, который следит за пленником снаружи.

Сцена 103

Салон в замке Берг. Интерьер. День.

Гудден. Он по-королевски вежлив и воспитан. И абсолютно послушен. Никаких признаков беспокойства... Ответы всегда разумные.

Теперь мы видим, что собеседник Гуддена — Гольштейн, который сидит в большом кресле у окна.

Гудден. По правде сказать, я не вижу причин отказывать Его величеству в единственной просьбе, на которой он настаивает, — гулять в парке.

Гольштейн. Под таким дождем! Уж не говоря обо всем остальном, мне кажется, врач, отказывая в прогулке под дождем, не должен испытывать никаких затруднений...

Гудден. Его величество обладает отменным здоровьем. Конечно, я посоветую ему дождаться лучшей погоды... но необходимость отказывать... Я готов сам сопровождать его, чтобы только не перечить. Да, я сам буду его сопровождать.

Гольштейн иронически улыбается.

Гольштейн. Вижу, что и вы, профессор, не избежали его чар. Будьте осторожны, прошу вас.

Гольштейн смеется и смотрит на дождь, который продолжает лить как из ведра. На фоне шума дождя начинает звучать голос Людвига.

Людви́г (*голос за кадром*). ...дождь, так же как ночь, помогает мне слышать тишину. Ночь... Нет ничего прекраснее ночи...

Сцена 104

Парк в замке Берг. Натура. Сумерки. В темных тяжелых плащах, с зонтиками, Людвиг и Гудден идут под дождем. Людвиг всматривается в серое небо, по которому плывут первые ночные тени.

Людви́г. Говорят, что культ ночи... луны... это материнский миф. А культ солнца, вообще дня... мужской миф... И все-таки именно ночь, таинственная и грандиозная, всегда казалась мне царством силы и разума, обителью героев.

Людви́г оборачивается к Гуддену.

Людви́г (*вежливо улыбаясь*). Бедный доктор Гудден. Вынужден изучать меня с утра до вечера и с вечера до утра. (*Вздыхает.*) А я — загадка. И хочу остаться загадкой не только для других, но и для себя самого.

Дождь усиливается, но Людвиг не обращает на него внимания. Он продолжает гулять, и Гудден идет вместе с ним. Их темные силуэты постепенно исчезают среди деревьев.

Сцена 105

Натура. Замок Берг. Ночь. Мюллер говорит (а вернее, кричит) двум офицерам.

Мюллер. Доктор Гудден сказал, что они выйдут не больше чем на час...

Офицер. Они ушли в шесть...

Гольштейн, явно нервничая, отдает приказ офицерам.

Гольштейн. Отправляйтесь на поиски. Они шли по тропинке вдоль озера. Возьмите факелы! Кто был с ними?

Мюллер. Они одни. Профессор Гудден не хотел, чтобы их сопровождали санитары. Его величество казался очень спокойным.

Гольштейн (*кричит*). Я, что ли, должен объяснять вам, что сумасшедшие очень хитрые?

Сцена 106

Реплики следуют одна за другой.

Солдат. Возьмите факелы. Граф Гольштейн приказал всем искать короля. Прочешите парк.

Офицер (*кричит*). Разойдитесь по двое!

Ординарец. Когда вы их найдете, один из вас бегом вернется в замок, чтобы предупредить...

Другой ординарец. Вы — к лесу!

Егерь. Вы — вдоль озера!

Сцена 107

Гольштейн в черном блестящем плаще. Рядом с ним Мюллер, он очень бледен, и несколько солдат.

Гольштейн. Немедленно телеграфируйте в Мюнхен, что король пропал. Я тоже отправляюсь на поиски. Если я найду их, то выстрелю в воздух.

Сцена 108

Замок Берг. Парк. Натура. Ночь. Парк светится огнями близких и далеких факелов. Слышны перекликающиеся голоса. Эта сцена, неоднократно перебиваясь другими, повторяется снова и снова.

Сцена 109

...стучат телеграфные аппараты.

Голос телеграфиста (*за кадром*). Для господина министра Крайлсхайма. Его величество король и профессор Гудден, которые вышли вечером прогуляться по парку, до сих пор не вернулись. Их ищут.

Сцена 110

Крики в парке. Лай собак. На эти звуки накладывается непрерывный стук телеграфа.

Голос другого телеграфиста (*за кадром*). Регент, принц Луитпольд, предупрежден.

Сцена 111

Тревожный ночной поиск продолжается под непрерывный и настойчивый стук телеграфного аппарата. Фонари и факелы крошечными огненными точками высвечивают кусты, водоемы, огромные вековые деревья, пристань... Под дождем эти мерцающие вспышки кажутся блуждающими огнями, как на картинах романтиков. Голоса, перекрытые шумом дождя, почти неразличимы.

Голос телеграфиста (*за кадром*). Пока никаких новостей. Поиски продолжаются.

Сцена 112

Комната телеграфиста в замке Берг. Интерьер. Ночь. Мюллер стоит рядом с телеграфистом и с тревогой ждет ответа. Телеграф продолжает отбивать бумажную ленту, которая разворачивается у него на глазах. Неожиданно раздается револьверный выстрел. И сразу вслед за ним второй. Мюллер и телеграфист в испуге оборачиваются к окну.

Сцена 113

Замок Берг. Парк. Натура. Ночь. Слуги и солдаты бегут к озеру, с которого раздался выстрел. Гольштейн все еще держит в руках пистолет. Он стоит на берегу озера, указывая на какой-то темный предмет, виднеющийся на поверхности воды в нескольких метрах от берега. Солдат бросается в воду и выносит тяжелое черное пальто. Гольштейн рассматривает его при свете факела. Отдает приказ.

Гольштейн. Возьмите лодку! Скорее...

Несколько слуг бегут на пристань. Две лодки отчаливают от берега и вскоре достигают того места, где Гольштейн заметил пальто короля. Лодки опасно накрениются, так как гребцы, сбившись к одному борту и приблизив фонари к самой воде, вглядываются в темноту. И вот луч одного из фонарей случайно падает на какое-то студенистое пятно, белеющее на поверхности воды. Гребец всматривается в это странное пятно, направив на него луч света: мертвое лицо доктора Гуддена запрокинуто вверх, к небу. Человек поднимает фонарь и замечает невдалеке другую темную массу, которая покачивается на поверхности воды. Он встает в лодке, размахивая фонарем, как сигнальным флагом.

Гребец. Мы нашли их.

Факелы на берегу озера образуют как бы светящийся в темноте остров.

Второй гребец. Осторожнее.

Третий гребец. Шест... Возьмите шест.

Две лодки сближаются. Тело Людвига поднимают на борт лодки первым. Мокрые волосы слиплись на лбу, который уже покрывает мертвенная бледность. И сразу вслед за ним поднимают тело доктора. Берег недалеко. Обе лодки подплывают к берегу почти одновременно. Здесь в окружении солдат дворцовой охраны и слуг их ждет Гольштейн. Мюллер в тяжелом плаще и с зонтиком стоит тут же. Оба тела выносят на берег и кладут на землю, мокрую от дождя. Факелы отбрасывают красноватые отсветы на их безжизненные, обескровленные лица. Гольштейн бесстрастно их разглядывает.

Гольштейн. Король решил покончить с собой, и, чтобы сделать это, ему пришлось убить доктора Гуддена...

[Сцена 114]

Спальня Елизаветы в Поссенхоффене. Интерьер. Рассвет.

Голос Гольштейна (*за кадром*). Очевидно, усыпив бдительность врача, король бросился в воду. Пытаясь спасти его, профессор Гудден последовал за ним. Это доказывает тот факт, что король сбросил пальто, стеснявшее его в движениях, которое и было найдено на берегу...

Бледная, с широко открытыми глазами, Елизавета молча слушает.
По ее лицу текут слезы.

Елизавета (*внезапно кричит*). Людвиг умер? Людвиг умер? Умер... умер... Если бы они были добрее к нему, этого бы не произошло.

Ее начинает бить дрожь. Плач переходит в рыдания. Елизавета истерически кричит:

Елизавета. Его убили! Предатели! Убийцы! Убийцы! Убийцы!]

[Сцена 115]

Комната в замке Берг. Интерьер. День. Продолжает звучать крик

Елизаветы: «Убийцы! Убийцы! Предатели! Убийцы!»

Экран совершенно черный, и в нем, как крошечная звездочка, светится отверстие. Но вот камера отъезжает, и мы обнаруживаем, что

это старый слуга рассматривает на свет черное пальто короля. Двое молодых слуг помогают ему его чистить.

Старый слуга. А куда же девались жилет, пиджак, рубашка, которые были на Его величестве во время его последней прогулки?

Более молодой слуга. Понятия не имею. Но говорят, все увезли. Наверно, в Мюнхен.

Старый слуга. Вот. А пальто они забыли уничтожить.

Старый слуга снова поднимает и расправляет пальто.

Голос молодого слуги (*за кадром*). Кто?

Старый слуга. Те, кто убили короля. Выстрелили прямо в сердце и убили наповал. Тело слишком недолго пробыло в воде, и дырочка от выстрела не успела затянуться. Один-единственный выстрел. И все.

Голос молодого слуги (*за кадром*). А кто его убил? Профессор Гудден?

Темная ткань вновь начинает медленно подниматься, пока не затягивает весь экран.

Голос старого слуги (*за кадром*). Врач? Нет. Он — нет, бедняга. Может быть, король действительно вошел в воду, решив покончить с собой... а доктор бросился вслед за ним, чтобы спасти, как они говорят... Или, может быть, они утопили его уже после того, как бросили в воду труп короля. Точно одно. Король был убит из огнестрельного оружия. А как это произошло, мы никогда не узнаем. Был только один свидетель... Убийца. А он, будьте уверены, унесет свою тайну в могилу. Но улика против него осталась: вот эта маленькая дырочка... через которую пробьется свет истины...]